

ПРИЛОЖЕНИЕ

ΕΡΙΣΤΕΤΙ ΔΙΑΤΡΙΒΑΕ

БЕСЕДЫ ЭПИКТЕТА

*

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Г. А. ТАРОНЯНА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ *

І. О СВОБОДЕ

(1) Свободен тот, кто живет так, как желает, кто неподвластен ни принуждению, ни помехам, ни насилию, чьи влечения не испытывают препятствий, стремления достигают успеха, избегания не терпят неудачу. (2) Так кто же хочет жить совершая ошибки? — Никто. — Кто хочет жить обманываясь, поступая опрометчиво, несправедливым, распущенным, жалующимся на свою судьбу, низким? — Никто. — (3) Стало быть, никто из дурных людей не живет так, как желает, — следовательно, он и не свободен. (4) А кто хочет жить огорчаясь, боясь, завидуя, жалея, стремясь — и терпя неуспех, избегая — и терпя неудачу? — Ни один человек. — (5) Так находим ли мы кого-нибудь из дурных людей неподверженным огорчениям, неподверженным боязни, не терпящим неудачу, не терпящим неуспех? — Никого. — Стало быть, — и не свободным.

(6) Если все это услышит человек, который дважды был консулом, то, если ты прибавишь: «Но ты-то мудрый человек, все это не имеет никакого отношения к тебе», — он простит тебе. (7) А если ты ему скажешь всю правду: «Что касается того, будто сам ты не раб, то ты ничем не отличаешься от тех, кто трижды был продан», — чего иного, как не побоев, должен ты ожидать? — (8) Да как это, — говорит, — я — раб?! Отец мой — свободный, мать — свободная, ни у кого нет купчей на меня. Но к тому же я сенатор, мать — свободная, ни у кого нет купчей на меня. Но к тому же я сенатор, милейший сенатор, возможно, и твой отец был рабом такого же рода, всего, милейший сенатор, возможно, и твой отец был рабом такого же рода, как ты, и твоя мать, и твой дед, и подряд все предки. (10) А если бы даже они были и в высшей степени свободные — какое это имеет отношение к тебе? Какое, в самом деле, если они были благородные, а ты — низкий, если они были бесстрашные, а ты — малодушный, если они были воздержные, а ты — распущенный? — (11) И какое, — говорит, — это имеет отношение к бытию рабом? — Разве, по-твоему, делать что-то против своей воли, по принуждению, с стенаниями — никакого не имеет отношения к бытию рабом? — (12) Это-то пусть так, — говорит. Но кто меня может принудить, кроме цезаря, господина всех? — (13) Итак, одного своего господина ты и сам признал. А что он равно всех, как ты говоришь, господин, то пусть это тебя нисколько не утешает — знай, что ты из большого дома ¹ то пусть это тебя нисколько не утешает — знай, что ты из большого дома ¹ раб. (14) Вот так и никопольцы ² обычно кричат: «Клянемся счастливой судьбой цезаря, мы — свободные!». (15) Однако, если тебе будет угодно,

* В III, 1, 35 вместо «нас» должно быть: «у нас». В III, 5, 9 вместо «светлым» должно быть: «с светлым». К II, 14, 23 слл.: ср. Д и о г. Л., VIII, 8.

¹ «Дом» здесь в смысле римской «фамилии» («большой дом» — или фамилия цезаря или, скорее, вся римская держава, где все подчинены цезарю).

² См. прим. 40 к I книге.

цезаря пока оставим, а вот что мне скажи: никогда не влюблялся ты в кого-нибудь? ни в девчонку, ни в мальчишку — ни из рабов, ни из свободных? — (16) Так какое же это имеет отношение к бытию рабом или свободным? — (17) Никогда не получал ты приказаний от возлюбленной делать что-то такое, чего ты не хотел? Никогда не лъстил ты своей молоденькой рабыне? Никогда не целовал ее ноги? А между тем, если бы кто-то принудил тебя целовать ноги цезаря, ты счел бы это наглостью и верхом тирании. (18) Так что же иное есть рабство? Ночью никогда не отправлялся ты туда, куда не хотел? Не тратил ли столько, сколько не хотел? Не говорил ли о том-то и том-то, стеная и сетуя, не сносил ли, когда тебя бранили, не впускали? (19) Но если тебе стыдно признавать это у себя, смотри, что говорит и делает Трасонид, который участвовал в стольких военных походах, в скольких, может быть, и ты не участвовал. Во-первых, он вышел ночью, когда Гета не решается выйти, но если бы был принуждаем к этому Трасонидом, то вышел бы с воплями и сетованиями на свое горькое рабство. (20) Затем, что он говорит?

Девчонка

говорит, —

дрянная в рабство ввергла совсем меня,
Кого и враг ни один никогда — не в силах был³

(21) Несчастный ты, раз ты раб девчонки, да еще дрянной девчонки! Так что же ты еще называешь себя свободным? А что ты упоминаешь свои военные походы? (22) Затем, он требует меч и негодует на того, кто из доброжелательности к нему не дает, он посылает подарки той, которая ненавидит его, он просит, плачет, а при незначительном успехе снова возносится. (23)...⁴

(24) А посмотри, когда дело касается животных, — как мы пользуемся понятием о свободе. (25) Люди держат прирученных львов в клетках, кормят их, некоторые возят с собой. И кто назовет этого льва свободным? А разве, чем изнеженнее его жизнь, тем она не более рабская? А какой лев, будь он наделен способностью осознавать и мыслить, желал бы быть одним из этих львов? (26) Ну, а вот эти птахи, когда их поймают и держат в клетках, — какие терпят страдания, пытаются улететь?! И некоторые-то из них скорее погибают от голода, чем выдерживают такую жизнь, (27) ну, а те, которые выживают, едва, с трудом выдерживают ее, и чихнут, и если находят хоть какое-то отверстие, то вылетают. Так они стремятся к природной свободе и к тому, чтобы быть независимыми и неподвластными помехам. (28) И чем тебе плохо здесь? «Что ты такое говоришь?! Я рождена летать куда хочу, жить под открытым небом, петь когда хочу. Ты меня лишаешь всего этого, и говоришь: „Чем тебе плохо?“» (29) Поэтому только тех среди живых существ назовем мы свободными, кто не сносит плена, но как только попадает в плен, избавляется от него своей смертью. (30) Так и Диоген где-то говорит, что единственное средство к достижению свободы — это с легкостью идти на смерть, и он пишет царю персов⁵: «Пора-

³ Из недодешней комедии Менандра «Ненавидимый» (сохранилось несколько отрывков — см. Menandri quae supersunt, ed. A. Kœrte, Lipsiae, 1957, pars I, p. 122—129). Трасонид — воин, главное действующее лицо комедии; Гета — его раб. Трасониду досталась молодая пленница Кратия, дочь свободных родителей. Он влюбляется в нее, но она ненавидит его (отсюда название комедии) и отвергает его любовь. Он не хочет применять насилия, хотя она в его власти, однако все его старания добиться ее любви остаются безуспешными, и он страдает.

⁴ Предложение § 23 испорчено.

⁵ Предлагается конъектура «македонян» (имеется в виду Филипп или Александр). — Сохранились письма, приписываемые Диогену; вероятно, в распоряжении Эпиктета таких писем было больше.

ботить полис афинян ты не можешь — не более, — говорит он, — чем рыб». (31) «Как?! Да разве я не схвачу их?» — «Если схватишь, — говорит он, — они тотчас же, оставив тебя, уйдут ⁶, именно как рыбы. Ведь и какую из тех ни схватишь — она умирает. Если и эти, схваченные, будут умирать — что толку тебе в твоей военной подготовке?». (32) Вот слово свободного человека, серьезно исследовавшего обозначаемый им предмет ⁷ и, как это естественно, доискавшегося его. А если ты ищешь его не там, где он есть, — что удивительного, если ты никогда не доискиваешься его? (33) Раб, вот, молится о том, чтобы его отпустили на свободу. Почему? Думаете, потому, что он жаждет отдать деньги сборщикам двадцатичастного налога ⁸? Нет. Но потому, что по его представлению до сих пор он испытывает препятствия и живет не в спокойствии из-за того, что не отпущен на свободу. (34) «Если я буду отпущен, — говорит он, — сразу же — полное спокойствие, я ни на кого не обращаю внимания, со всеми говорю как совершенно равный, отправляюсь куда хочу, прихожу откуда хочу и куда хочу». (35) И вот, он отпущен на свободу — и сразу же, не имея, где взять поесть, он ищет, к кому бы подолститься, у кого бы пообедать. Затем, он или зарабатывает своим телом и терпит ужаснейшие страдания, и если даже найдет себе какую-нибудь кормушку, то впадает в рабство, гораздо более тяжелое, чем прежде, (36) или, даже если разбогатеет, он, человек неотесанный, влюбляется в девчонку, и терпя злополучие, рыдает и по своему рабству тоскует. (37) «Да чем мне было плохо? Другой одевал меня, другой обувал меня, другой кормил, другой ухаживал во время болезни, я немного служил ему. А теперь, несчастный я, какие терплю я страдания, находясь в рабстве у многих вместо одного! (38) Однако, если я получу, — говорит он, — кольца ⁹, тогда-то я заживу спокойнейшей и счастливейшей жизнью». И вот, сначала, для того чтобы получить, он терпит все те страдания, которых достоин. Затем, когда получит, — опять то же самое. (39) Затем он говорит: «Вот если я отправлюсь в военный поход, то избавлюсь от всех зол». Он отправляется в военный поход, претерпевает все то, чего заслуживает негодяй, и тем не менее требует второго похода и третьего ¹⁰. (40) И вот, когда в довершение всего он станет сенатором, тогда он становится рабом, входящим в собрание, тогда он попадает в прекраснейшее и блистательнейшее рабство. (41) Пусть он не будет глупцом, но пусть узнает, то, что говорил Сократ, в чем сущность каждого явления ¹¹, и не необходимо применяет общие понятия, одинаковые у всех людей, к частным случаям. (42) В том ведь и заключается у людей причина всех зол, что они не умеют применять общие понятия к частным случаям. (43) А одни из нас мнят, что она — в том-то одном, другие — в том-то другом. Один — в том, что он болен. Отнюдь, но — в том, что он не правильно применяет общие понятия. Другой — в том, что он нищий, этот — что у него жестокий отец или мать, тот — что цезарь к нему немилостив. А она заключается в одном только том, что люди не умеют применять общие понятия. (44) И в самом деле, у кого нет общего понятия о зле — что оно причиняет вред, что его следует избегать, что от него всячески следует избавляться? Между общим понятием у одного и у другого нет противоречия, но оно возникает тогда, когда дело доходит до применения. (45) Так в чем же заключается вот это зло, которое причиняет вред и которого следует избегать? Он говорит:

⁶ Т. е. из жизни.

⁷ «обозначаемый им (т. е. словом) предмет» (т. е. свобода) — τὸ πρᾶγμα; «слово» — φωνή (звук). См. прим. 103 к I книге.

⁸ См. прим. 8 к II книге.

⁹ Золотое кольцо было знаком отличия сенаторов и всадников. С правом носить золотое кольцо давалось звание всадника (ius anulorum).

¹⁰ См. прим. 62 к I книге.

¹¹ См. К с е н о ф о н т, Воспоминания о Сократе, IV, 6, 1.

в том, что он не друг цезаря, — он сбился, ошибся в применении, мучится, ищет то, что не имеет никакого отношения к поставленной цели, потому что, если он и достиг того, чтобы быть другом цезаря, тем не менее искомого он не достиг. (46) Ведь чего именно ищет всякий человек? Стать стойким, стать счастливым, делать все так, как он хочет, не испытывать помех, не испытывать принуждения. Так вот, когда он стал другом цезаря, перестал ли он испытывать помехи, перестал ли испытывать принуждение, живет ли в стойкости, живет ли в спокойствии? У кого спросить нам? Кому можем мы поверить больше, чем самому тому, кто стал этим другом? (47) Выйди на середину и скажи нам: когда ты спокойнее спал, сейчас или до того как стал другом цезаря? Тотчас слышишь: «Перестань, заклинаю тебя богами, насмехаться над моей участью¹². Ты не знаешь, какие терплю страдания несчастный я. Сон и не приходит ко мне, но другой придет и говорит, что он уже пробудился, он уже выходит. И вот — волнения, и вот — беспокойства». (48) Ну, а обедал ты когда с большим удовольствием, сейчас или прежде? Послушай, и об этом что он говорит: что, если он не приглашен, то мучится, а если приглашен, то обедает, как раб у господина, при этом все время настороже, как бы не сказать или не сделать чего-нибудь глупого. И чего он, по-твоему, боится? Что его высекут, как раба? Куда ему так просто! Но, как подобает такому высокопоставленному человеку, другу цезаря, — что он лишится головы. (49) А мылся ты когда спокойнее? А упражнялся ты когда с большим досугом? Одним словом, какую предпочел бы ты жить жизнью, нынешней или тогдашней? (50) Я могу поклясться, что никто настолько не неосознающ или неправдив, чтобы не сетовать на свои несчастья тем больше, чем более близкий он друг цезаря. — (51) Так когда ни цари так называемые не живут так, как хотят, ни друзья царей, — кто же еще свободные? — Ищи, и найдешь. У тебя ведь есть возможности от природы для нахождения истины. А если ты сам не в состоянии исходя только лишь из них найти последовательность, послушай тех, кто произвел такое исследование. (52) Что они говорят? Благо ли, по-твоему, свобода? — Величайшее. — Так может ли кто-нибудь, достигая величайшего блага, быть злосчастливым или быть в плохом положении? — Нет. — Так, значит, обо всех тех, кого бы ты ни увидел злосчастливыми, живущими не в спокойствии, сокрушающимися, смело заявляй, что они — не свободные. — Заявляю. — (53) Итак, от купли и продажи и подобных сделок в приобретении¹³ мы уже отошли. Ведь если ты правильно согласился со всем этим, значит, будь и великий царь¹⁴ злосчастен, он — не свободный, будь то и мелкий, будь то и консул, будь то и дважды консул. — Допустим. — (54) Так ответь мне еще и на то: нечто великое ли, благородное и замечательное есть, по-твоему, свобода? — Как же иначе? — Так возможно ли, достигая чего-то столь великого, замечательного и благородного, быть низким? — Невозможно. — (55) Так, значит, когда ты увидишь кого-то низкопоклонничающим перед другим или льстящим вопреки своему представлению, говори и о нем смело, что он — не свободный, и не только в том случае, если он ради жалкого обеда это делает, но и если ради провинции, и если ради консульства. Но тех ты называй мелкорабами, поскольку они ради чего-то мелкого это делают, а этих, как они и стоят того, — великорабами. — Допустим и это. — (56) А есть ли, по-твоему, свобода нечто независимое и самостоятельное? — Как же иначе? — Так, значит, о всяком, помешать кому и принудить кого зависит от другого, смело говори, что он — не свободный. (57) И не смотри ты, мне, на его дедов и прадедов и не ищи купли и продажи, но если услышишь, как он

¹² Конъектура. В рукописях — «душой».

¹³ Т. е. рабов (в буквальном смысле).

¹⁴ Так обычно называли персидского царя.

говорит изнутри и с чувством: «Господин», то, даже если перед ним шествуют двенадцать ликторов¹⁵, говори, что он — раб. И если услышишь, как он говорит: «Несчастный я! Какие я терплю страдания!», говори, что он — раб. Одним словом, если увидишь его оплакивающим, жалующимся, живущим не в спокойствии, говори, что он — раб в претексте¹⁶. (58) Ну, а если он ничего этого не делает, пока еще не называй его свободным, но ознакомься с его мнениями, не подвластны ли они принуждению, не подвластны ли помехам, не подвластны ли беспокойствию. И если найдешь его таким, говори, что он — раб в дни отдыха от работ во время Сатурналий¹⁷. Говори, что господин его в отъезде: вот явится, и тогда ты узнаешь, какие он терпит страдания. — Кто явится? — (59) Всякий, кто имеет власть над чем бы то ни было тем, чего он хочет, в том, чтобы предоставить это или отнять. — Значит, вот таким образом у нас много господ? — Вот таким образом. Ведь прежде, чем они, у нас господа — материальные вещи. А их много. Поэтому неизбежно и имеющие власть над чем-то из них должны быть господами. (60) Право же, самого цезаря никто не боится, но мы боимся смерти, изгнания, лишения имущества, тюрьмы, лишения гражданских прав. И не цезаря любят, — разве только если он очень достойный, — но богатство любим мы, трибунат, претуру, консульство. Когда мы все это любим, ненавидим, боимся, неизбежно имеющие власть над этим должны быть нашими господами. (61) Поэтому мы и поклоняемся им как богам. Мы ведь умозаключаем так: «имеющее власть над величайшей пользой есть божественное»; затем, неправильно подводим к этому меньшую посылку: «он имеет власть над величайшей пользой»; неизбежно и заключение из этих посылок должно быть выведено неправильно. (62) Так что же именно делает человека неподвластным помехам и независимым? Ведь ни богатство не делает, ни консульство, ни провинция, ни царская власть, но должно быть найдено нечто иное. (63) Что же именно делает его в письме неподвластным помехам и неподвластным препятствиям? — Наука писать. — А что — в игре на кифаре? — Наука играть на кифаре. — (64) Следовательно, и в жизни — наука жить. Так вот, об этом в общем — ты слышал, а рассмотри это и применительно к частным случаям. Стремимся к чему бы то ни было, что зависит от других, возможно ли быть неподвластным помехам? — Нет. — Возможно ли — быть неподвластным препятствиям? — Нет. — (65) Следовательно, — невозможно и быть свободным. Так вот, смотри. Ничего ли у нас нет, что зависит только от нас, или — все, или то-то зависит от нас, а то-то — от других? — (66) Что ты имеешь в виду? — Когда ты хочешь, чтобы тело было невредимым, — от тебя ли зависит это или нет? — Не от меня. — А — чтобы было здоровым? — Тоже нет. — А — чтобы было красивым? — Тоже нет. — А — чтобы жило или¹⁸ умерло? — Тоже нет. — Следовательно, тело — это чужое, подвластное всему более сильному. — Допустим. — (67) А от тебя ли зависит иметь землю, когда хочешь, на сколько хочешь и какую хочешь? — Нет. — А плащи? — Нет. — А домишко? — Нет. — А лошадей? — Из всего этого — ничто. — А если ты хочешь, чтобы дети твои жили во что бы то ни стало, или жена, или брат, или друзья, — от тебя ли это зависит? — Тоже нет. — (68) Так ничего ли у тебя нет независимого, что от тебя только зависит,

¹⁵ Такое число ликторов полагалось для консулов.

¹⁶ Претекста — тога с пурпурной полосой, которую носили высшие должностные лица.

¹⁷ Итальянский праздник в честь бога Сатурна, при котором был золотой век. Во время этого праздника, справлявшегося с 17 по 23 декабря, прекращали всякую работу и веселились. В эти дни хозяева угощали рабов за своим столом и даже иногда приносили им, как бы меняясь ролями, в знак того, что в золотом веке все были равны.

¹⁸ В одной рукописи. В остальных — «и». Предлагается конъектура: «и не».

или есть у тебя что-то такое? — Не знаю. — (69) Так смотри вот таким образом и рассмотри это. Может ли кто-нибудь заставить тебя согласиться с ложным? — Никто. — Следовательно, в вопросе о согласии ты неподвластен помехам и неподвластен препятствиям. — Допустим. — (70) Ну, а влечься к тому, к чему ты не хочешь, может ли кто-нибудь тебя принудить? — Может. Ведь когда он угрожает мне смертью или оковами, то принуждает меня влечься. — Так если ты будешь относиться с презрением к тому, что умрешь и будешь закован, — станешь ли ты еще обращать внимание на него? — Нет. — (71) Так твое ли это дело — с презрением относиться к смерти, или не твое? — Мое. — Стало быть, твое дело — и влечься, или — не твое? — Допустим, мое. — А отталкиваться от чего-то? Твое — и это. — (72) Что же, если тот, когда у меня будет влечение погулять, мне помешает? — Чему твоему помешает он? Разве согласию? — Нет, но — брэнному телу. — Да, как камню. — Допустим. Но я-то уже не гуляю. — (73) А кто тебе сказал: «Гулять — это твое дело, неподвластно помехам»? Я-то ведь то говорил, что неподвластно помехам только — влечься. А там, где требуется тело и его содействие, — ты давно слышал, что ничто не есть твое. — Допустим и это. — (74) А стремиться к тому, к чему ты не хочешь, может ли кто-нибудь тебя принудить? — Никто. — А ставить перед собой цели или намереваться, или, одним словом, пользоваться возникающими представлениями? — (75) Тоже нет. Но когда я стремлюсь, он помешает мне достичь того, к чему я стремлюсь. — Если ты будешь стремиться к чему-то тому, что твое и что неподвластно помехам, — как он тебе помешает? — Никак. — Так кто же тебе говорит, что стремящийся к чужому неподвластен помехам? — (76) Так, значит, к здоровью мне не стремиться? — Никким образом, и ни к чему иному чужому. (77) Ведь что не от тебя зависит обрести или сохранить, когда ты хочешь, — это есть чужое. Подальше от него не только руки, но прежде всего — стремление. А иначе — ты сдался в рабство, заложил свою голову, чем бы ты ни дорожил из того, что не твое, к чему бы ты ни испытывал привязанность из того, что подвластно и смертно. — (78) Рука — разве не моя? — Она часть твоя, а по природе — это глина, подвластное помехам, подвластное принуждению, раб всего более сильного. (79) Да что я говорю тебе о руке? Всем телом целиком так обладать ты должен, как осликом навьюченным, — на сколько возможно, на сколько дано. А если будет реквизиция и солдат заберет его, — пусть, не противься и не ропщи. Иначе — получишь побои и тем не менее лишишься и ослика. (80) А раз к телу должен ты так относиться, смотри, что остается делать относительно прочего, всего того, что обретается ради тела. Раз оно — это ослик, то получается, что все прочее — это уздечки ослика, вьючные седлышки, подковки, ячмень, сено. Оставь и это, расстанься с этим еще скорее и легче, чем с осликом. (81) И имея уже такую подготовленность и практическую приученность отличать чужое от своего, подвластное помехам от неподвластного помехам, это считать имеющим отношение к тебе, то — не имеющим отношения к тебе, здесь внимательно относиться к стремлению, там — к избеганию, разве ты еще будешь бояться кого-то? — Никого. — (82) В самом деле, относительно чего тебе бояться? Относительно своего ли, там где у тебя сущность блага и зла? Да кто над этим имеет власть? Кто может отнять у тебя это, кто может воспрепятствовать тебе в этом? Не более, чем богу. (83) Но бояться ли тебе за тело и имущество? За чужое? За не имеющее никакого отношения к тебе? И к чему иному приучал ты себя с самого начала, как не к тому, чтобы различать твое и не твое, зависящее от тебя и не зависящее от тебя, подвластное помехам и неподвластное помехам? А ради чего обратился ты к философам? Чтобы ты ничуть не менее был несчастным и злополучным? (84) Значит, ты в таком случае не будешь безбоязненным и невозмутимым. А какое отно-

шение имеет к тебе огорчение? Ведь если перед чем-то ожидаемым возникает страх, то при наступлении этого возникает огорчение. А чего еще ты будешь жаждать? Ведь ко всему зависящему от свободы воли, поскольку все это — твое¹⁹ и при тебе, стремление у тебя соразмерное и спокойное, а к независящему от свободы воли ни к чему ты не стремишься, чтобы и имело место то неразумное, толкающее и чрезмерно погоняющее. (85) Так вот, когда ты так относишься к материальным вещам — какой еще человек может внушать страх? В самом деле, что у человека есть внушающего страх человеку — при виде ли, при разговоре ли, при совместной жизни ли вообще? Не более, чем у лошади — по отношению к лошади, или у собаки — по отношению к собаке, или у пчелы — по отношению к пчеле. Нет, это материальные вещи каждому внушают страх. А когда кто-то может предоставлять их или отнимать, тогда он и сам становится внушающим страх. (86) Как же разрушается крепость? Не железом и не огнем, но мнениями. Ведь если мы сокрушаем крепость, в городе находящуюся, сокрушаем ли мы и крепость лихорадки, сокрушаем ли и крепость красивеньких бабенок, одним словом, сокрушаем ли крепость, в нас находящуюся, и свергаем ли тиранов, в нас находящихся, под властью которых мы ежедневно существуем, то одних и тех же, то иных? (87) Но вот отсюда следует начать и вот отсюда сокрушить крепость, изгонять тиранов: оставить брренное тело, его части, способности, имущество, репутацию, должности, почести, детей, братьев, друзей, все это счесть чужим. (88) И если вот отсюда будут изгнаны тираны — к чему еще мне рушить крепость ради себя-то? В самом деле, хоть она и стоит — что она мне делает? К чему еще мне изгонять телохранителей? В самом деле, где я их чувствую? Это против других у них прутья, копы и мечи. (89) А я никогда ни помех не испытывал, когда хотел чего-то, ни принуждения, когда не хотел чего-то. И как это возможно? Я вверил свое влечение богу. Он хочет, чтобы у меня была лихорадка, — и я хочу. Он хочет, чтобы я влекся к чему-то, — и я хочу. Он хочет, чтобы я стремился, — и я хочу. Он хочет, чтобы я достиг чего-то, — и я желаю. Он не хочет — я не желаю. (90) Значит умереть — я хочу. Значит подвергнуться пыткам — я хочу. Кто еще может помешать мне наперекор тому, что мне представляется, или принудить меня? Не более, чем Зевса. (91) Так поступают и путники более осторожные. Он слышал, что на этой дороге совершают нападения разбойники. Один он не решается пуститься в путь, но выжидает сопровождающих посла или квестора, или проконсула и, вверившись им, совершает свой путь в безопасности. (92) Так и в мироздании поступает человек здравомыслящий. «Повсюду разбойничьи шайки, тираны, бури, нужда, утрата самых близких. (93) Где найти убежище? Как совершить свой путь, не подвергнувшись нападениям разбойников? Каких сопровождающих выждав, пройти свой путь в безопасности? (94) Кому вверившись? Такому-то, богачу, консулу. И что мне толку? Его самого грабят, он и сам стонет, сокрушается. А что если мой спутник сам, обратившись против меня, окажется моим грабителем? (95) Что мне делать? Стану другом цезаря. Раз я его друг, никто меня не обидит. Прежде всего, для того чтобы стать им, сколько должен я перетерпеть и перестрадать, сколько раз и сколькими разбойниками быть ограбленным! Затем, если я стану его другом, — он тоже смертный. (96) А если сам он вследствие какого-нибудь обстоятельства станет враждебным ко мне? Не лучше ли, наконец, удалиться куда-нибудь, в пустыню? Ну, а туда лихорадка не приходит? (97) Что же будет со мной? Неужели невозможно найти спутника безопасного, честного, сильного, нековарного?» (98) Так он размышляет и приходит к выводу, что, если

¹⁹ Конъектура. В рукописях — *καλῶν*.

богу он вверится, то пройдет свой путь в безопасности. — (99) Каким образом, имеешь ты в виду, ввериться? — Чтобы то, что бог хочет, и сам он хотел, и чего бог не хочет, этого и сам он не хотел. — Каким же образом это получится? — (100) Да каким иным, как не рассмотрением влечений бога и его управления? Что он дал мне моим и независимым, что оставил себе? Он дал мне все то, что зависит от свободы воли, сделал все это зависящим от меня, неподвластным препятствиям, неподвластным помехам. Тело глиняное как мог он сделать неподвластным помехам? Следовательно, он подчинил его, имущество, утварь, дом, детей, жену цикличности вселенной²⁰. (101) Так почему же я веду борьбу против бога? Почему я хочу то, что не следует хотеть, то, что не дано мне иметь во что бы то ни стало? Но — как иметь? Как дано и на сколько возможно. Но давший отнимает. Так почему же я противлюсь? Я не говорю о том, что буду глупцом, оканчивая сопротивление более сильному, но прежде всего — несправедливым. (102) В самом деле, откуда имея все это, пришел я? Мой отец мне все это дал. А ему — кто? А солнце кто создал, а плоды — кто, а времена года — кто, а соединение и жизнь в обществе — кто? (103) И вот, получив все, и даже самого себя, от другого, ты еще недоволен и жалуешься на давшего, если он что-то у тебя отнимает? Кем ты и для чего пришел? (104) Разве не он тебя ввел? Разве не он показал тебе свет? Разве не дал содействующих? Разве не дал и чувства? Разве не дал разум? А кем ввел? Разве не смертным? Разве не для того, чтобы ты с некоторой толикой брэнной плоти пожил на земле, созерцал его управление, принял с ним участие в торжественном шествии и на празднестве некоторое время? (105) Так, значит, ты не хочешь, до тех пор пока тебе дано, пребывая в созерцании торжественного шествия и празднества, затем, когда он уводит тебя, уходить с благоговеющей благодарностью за все то, что ты услышал и увидел? (106) «Нет, но я хотел бы еще быть на празднестве». Да ведь и посвящаемые в мистерии — быть посвящаемыми в мистерии; может быть, и зрители в Олимпии — смотреть других атлетов. Но празднество имеет предел. Уйди, удались как человек благодарный, как человек совестливый. Дай другим место. Должны родиться и другие, так же как и сам ты родился, и, родившись, иметь место, жилье, все необходимое. А если первые не отступают — что остается? Что ты ненасытен? Что ты не довольствуешься? Что ты создаешь тесноту в мироздании? — (107) Да, но я хочу, чтобы детишки и жена были со мной. — Да разве они — твой? Разве не того, кто дал? Разве не того, кто и тебя создал? И ты еще не откажешься от чужого? Не уступишь тому, кто сильнее? — (108) Так что же он ввел меня на таких условиях? — Да если это не устраивает тебя — уходи. Он не нуждается в зрителе, жалуемся на свою судьбу. Ему нужны принимающие участие с ним в празднестве, в хороводах, чтобы они, скорее, рукоплескали, боговдохновлялись, воспевали празднество. (109) А что жалкие и малодушные отбыли с празднества, это ему не неприятно будет видеть. Ведь, присутствуя, они и не как на празднике вели себя, и не занимали места подобающего, но мучились, жаловались на божество, на судьбу, на окружающих, не осознавая и всего того, что им досталось, и тех своих способностей, которые они получили для противодействия противоположному им: величия духа, благородства, мужества, самой искомой сейчас нами свободы. — (110) Так для чего же я получил все это? — Для того чтобы пользоваться. — До каких пор? — До тех пор, пока хочет давший в пользование. — Так если мне это будет необходимым? — Не испытывай привязанность к этому — и не будет. Ты сам себе не говори, что это тебе необходимо, — и не будет.

²⁰ См. прим. 62 к III книге.

(111) Вот приучением себя к чему следовало бы заниматься с утра до вечера. Начав с самых незначительных, с самых хрупких вещей — с глиняного горшка, с чаши, затем перейди вот так к хитонишку, к собачонке, к лошаденке, к землишке; отсюда — к самому себе: телу, частям тела, детям, жене, братьям. (112) Осмотрев со всех сторон, отбрось от себя. Очисти мнения: не пристало ли к тебе что-нибудь не-твое, не приросло ли, не причинит ли тебе мучения, если будет отрываться от тебя. (113) И, упражняясь каждый день, как там ²¹, не говори, что ты философией занимаешься (допустим, это название — грубое ²²), но — что ты представляешь объявителя твоей свободы. Вот что такое истинная свобода. (114). Вот эту свободу получил Диоген от Антисфена, и он уже никогда, говорил он, не мог быть обращен в рабство никем ²³. (115) Как, поэтому, вел он себя в плену, как обращался с пиратами! Разве назвал он кого-нибудь из них господином? И я не имею в виду название. Я ведь не слова боюсь, но чувства, от которого проистекает слово. Как порицал он их за то, что они плохо кормили взятых в плен! (116) Как вел он себя при продаже его! Разве он господина искал себе? Нет — раба. А как, когда он уже был продан, вел он себя с хозяином! Он сразу стал говорить ему, что тот не так должен одеваться, не так стричься, относительно его сыновей — как они должны вести жизнь. (117) И что удивительного? Ведь если бы тот купил себе учителя гимнастики — как со слугой ли обращался бы с ним в делах, касающихся искусства палестры, или как с господином? А если бы врача, а если бы архитектора — точно так же ²⁴. И вот так в каждой материи человек сведущий совершенно неизбежно должен иметь превосходство над несведущим. (118) Следовательно, кто обладает вообще знанием относительно жизни — чем иным должен быть тот, как не хозяином? В самом деле, кто на корабле господин? — Кормчий. — Почему? Потому что неповинующийся ему подвергается наказанию. — Но он может высечь ²⁵ меня. — Так разве безнаказанно? — (119) Вот так и я тоже судил. — Но так как — не безнаказанно, поэтому ему нельзя делать этого: никто не может безнаказанно совершать несправедливости. — (120) И в чем заключается наказание тому, кто заковал своего раба, по-твоему? — Именно в том, что он заковал. С этим и сам ты согласишься, если хочешь придерживаться того, что человек это не дикий зверь, но кроткое существо ²⁶. (121) И в самом деле, когда виноградная лоза находится в плохом состоянии? Когда она находится в состоянии, несоответствующем ее природе. Когда — петух? Точно так же. Следовательно — и человек. (122) Какова же его природа? Кусать и лгать, бросать в тюрьму и обезглавливать? Нет, но — делать добро, содействовать, быть благожелательным. Значит, тогда находится он в плохом состоянии, хочешь ли ты этого или нет, когда он недоброжелателен. — (123) Так что Сократ не оказался в плохом состоянии? — Нет, но — судьи и обвинители. — Ни Гельвидий ²⁷ в Риме? — Нет, но — казнивший его. — (124) В каком это смысле говоришь ты? — В таком, как и ты о петухе: ты не говоришь, что тот оказался в плохом состоянии, который одержал

²¹ Т. е. в гимнасии.

²² Мысль не очень ясна (ἔστω φορτικὸν τὸ ὄνομα). Может быть: пусть это название будет для тебя тягостным (обязывающим?).

²³ См. III, 24, 67 и прим.

²⁴ К § 114—117 см. Диог. Л., VI, 29—30, 36, 74—75; Мусоний Руф, фрагм. 9, стр. 49 (ук. соч. в прим. 190 к III книге); Авл Геллий, II, 18, 9—10; Лукиан, Продажа жизней, 7; Псевдо-Кратет, Письма, 34. См. также здесь, III, 24, 66.

²⁵ В одной рукописи — «заковать». — «он» — вероятно, имеется в виду господин вообще.

²⁶ См. Платон, Софист, 222 b.

²⁷ См. прим. 16 к I книге.

победу, даже если он был изрезан, но — тот, который, хоть и не пораненный, потерпел поражение ²⁸. И собаку ты не называешь счастливой, которая не может ни гнаться, ни быть выносливой, но — когда видишь ее всю в поту, когда — изнемогающей, когда — разбитой от бега. (125) Что парадоксального говорим мы, если говорим, что зло всякого заключается в несоответствии своей природе? Это — парадоксально? Да сам ты этого в отношении всего остального разве не говоришь? Так почему же только в отношении человека думаешь ты иначе? (126) Но что мы говорим, что природа человека заключается в кротости, взаимной любви и честности, — это не парадоксально? — Тоже нет. — (127) Так в каком же еще смысле подвергающийся порке или тюремному заключению, или обезглавливанию — не терпит вреда? Разве не он благородно претерпевает, и в результате оказывается к тому же с выгодой и с пользой, а вред терпит тот, претерпевающий самое жалкое и самое постыдное ²⁹, вместо человека становящийся волком или гадюкой, или осой?

(128) Итак, давай перечислим все то, в чем мы пришли к согласию. Свободен человек неподвластный помехам, который располагает материальными вещами так, как он желает. А тот, кому можно помешать или кого можно принудить, или кому можно воспрепятствовать, или кого можно ввергнуть в что-то против его воли, — раб. (129) А кто неподвластный помехам? Тот, кто не домогается ничего чужого. А что — чужое? Все то, что не зависит от нас ни иметь, ни не иметь, ни иметь каким-то определенным образом иначе, чем имеется. (130) Следовательно, тело — это чужое, части его — это чужое, имущество — это чужое. Значит, если ты будешь испытывать привязанность к чему-нибудь из этого как к своему собственному, то понесешь наказание, которого заслуживает домогающийся чужого. (131) Вот этот путь ведет к свободе, только он есть избавление от рабства — смочь наконец сказать от всей души:

Веди меня, о Зевс, и ты, Судьба моя,
Куда бы вами ни было мне назначено ³⁰

(132) Но что говоришь ты, философ? Вызывает тебя тиран, чтобы ты говорил что-то то, что не подобает тебе. Говоришь ты или не говоришь? Скажи мне. — Дай рассмотреть. — Сейчас рассмотришь? А когда ты в школе был — что ты рассматривал? Разве не занимался ты рассмотрением того, что есть благо и зло и что — безразличное? — Рассматривал. — (133) К какому же решению вы приходили? — Что справедливое и прекрасное есть благо, несправедливое и постыдное — зло. — Разве жить — благо? — Нет. — Разве умереть — зло? — Нет. — Разве тюрьма — зло? — Нет. — А слово неблагородное и бесчестное, предательство друга, лесть тирану — чем вам представлялось? — Злом. — (134) Так что же тебе еще рассматривать? Разве ты уже не рассмотрел и не обдумал ³¹? В самом деле, какое тут может быть рассмотрение, должно ли мне, могущему доставить себе величайшие блага, не доставлять себе величайших зол? Прекрасное рассмотрение и необходимое, требующее долгого обдумывания! Что ты насмехаешься над нами, человек? Такого рассмотрения не бывает никогда. (135) И если бы ты поистине представлял себе постыдное злом ³², а все остальное — безразличным, то ты не стал бы так задерживать свое внимание на этом,

²⁸ Имеются в виду петушинные бои.

²⁹ См. диалог Платона «Горгий».

³⁰ См. прим. 136 к II книге.

³¹ «Так что же... обдумал?» — в рукописях и в изданиях текст разделяется по-разному с разными знаками препинания. Перевод сделан предположительно, по несколько иной расстановке (на основании контаминации чтений).

³² После «злом» предлагается дополнение: «прекрасное — благом».

ничуть, но тут же мог бы различать мыслью, как зрением. (136) В самом деле, когда рассматриваешь ты, бело ли черное, легко ли тяжелое? А разве не тому, что с очевидностью представляется, следуешь ты? Так каким же образом говоришь ты, что тебе нужно сейчас рассматривать, следует ли безразличного избегать более, чем зла? (137) Нет, у тебя нет мнений этих, но тебе представляется и все это не безразличным, а — величайшим злом, и все то не злом, а — тем, что не имеет никакого отношения к нам. (138) Ведь ты вот так приучил себя с начала. «Где я? В школе. И слушают меня кто? Я говорю среди философов. Но вот я вышел из школы: прочь всю эту чушь педантов и глупцов!». (139) Вот так философ свидетельствует против друга ³³, так философ становится паразитом, так отдает себя внаем за деньги, так в сенате человек не говорит того, что ему представляется: (140) внутри в нем мнение его кричит, не пустое и жалкое мненье, висящее на необдуманных рассуждениях, как на волоске, но мнение прочное, пригодное и благодаря практическим упражнениям посвященное в таинство. (141) Последи за собой, как ты слушаешь — не говорю, о том, что ребенок твой умер (куда тебе до этого!), но — о том, что твое масло пролито, вино выпито, (142) так чтобы кто-нибудь, став рядом с тобой, когда ты вне себя, сказал тебе одно только это: «Философ, в школе ты говоришь иное. К чему обманываешь ты нас? К чему, тогда как ты червь, говоришь ты, что ты человек?» (143) Хотел бы я стать рядом с кем-нибудь из них, когда он занят любовной связью, чтобы посмотреть, как он усердствует и какие слова произносит, помнит ли о своем названии, о тех рассуждениях, которые он слушает или излагает, или читает. — (144) И какое это имеет отношение к свободе? — Не что иное, конечно, как это, хотите ли вы, богатые, того или не хотите. — И что свидетельствует тебе об этом? — (145) Да что иное, как не вы сами, имеющие господина великого ³⁴, живущие по его мановению и движению, обмирающие от одного только его хмурого взгляда на кого-нибудь из вас, ухаживающие за старухами и за стариками, и говорящие: «Я не могут этого сделать. Нельзя мне?» (146) Почему нельзя и говорящие: «Я не могут этого сделать. Нельзя мне?». Так говори правду, раб, и не сбегай от «Но Апрулла ³⁵ запретила мне». Так говори правду, раб, и не сбегай от своих господ, не отрицай их и не смей представлять объявителя твоей свободы при стольких уликах твоего рабства. (147) Право же, человека, которого любовная страсть принуждает делать что-то вопреки тому, что ему представляется, и который, хоть и видит лучшее, а вместе с тем не в силах следовать ему, еще можно скорее счесть заслуживающим прощения, так как он одержим некоей насильственной и неким образом божественной силой. (148) А тебя кто мог бы стерпеть с твоей любовью к старухам и к старикам, утирающего этим старухам сопли и умывающего их, подкупающего их подарками, ухаживающего за ними во время их болезни, как раб, а вместе с тем молящегося об их смерти и расспрашивающего как раб, а вместе с тем важных должностей и почестей целуешь руки рабов других людей, пших и важных должностей и почестей целуешь руки рабов других людей, так что ты даже не свободных людей раб?! (149) И ты еще, мне, важно растахиваешь претором, консулом! Разве я не знаю, как ты стал претором, откуда получил консульство, кто тебе его дал? (150) Я-то и жить бы не хотел, если бы должен был прожить по милости Фелициона ³⁶, снося его спесь и рабскую чванливость. Я ведь знаю, что такое раб счастливый ³⁷,

³³ По двум рукописям: «философа».

³⁴ Т. е. цезаря.

³⁵ Личность неизвестная.

³⁶ См. I, 19, 17—22 и прим. 57.

³⁷ Имя Фелицион происходит от слова felix — «счастливый».

как это кажется, и надменный³⁸. — (151) Так, значит, ты, — говорит, — свободный? — Я! хочу, клянусь богами, и молюсь об этом, но пока еще не могу прямо смотреть в лицо моим господам, еще дорожу этим бранным телом, придаю значение тому, чтобы оно у меня было невредимым, хотя оно у меня и не невредимое³⁹. (152) Но я могу показать тебе свободного, чтобы ты больше не искал примера. Свободным был Диоген. Откуда это? Не потому, что он был от свободных родителей⁴⁰ (он ведь не был), но потому, что сам он был свободным, потому что он отбросил прочь все то, за что рабство могло ухватить его, и невозможно было никому подступиться к нему и неоткуда было ухватить его, чтобы обратить в рабство. (153) Все у него было легкоотвязываемым, все только привешанным⁴¹. Если бы ты ухватился за имущество, он его оставил бы тебе скорее, чем последовал за тобой из-за него; если бы за ногу — оставил бы ногу; если бы за все бранный тело целиком — оставил бы все бранный тело целиком; за родных, друзей, отечество — точно так же. Он знал, откуда все это у него, от кого и на каких условиях получил он. (154) Ну, а истинных предков, богов, и настоящее отечество⁴² никогда бы он не оставил и не уступил бы никому другому в большем повиновении и послушании им, и никто другой не пошел бы на смерть ради этого отечества с большей легкостью. (155) Он ведь не искал никогда того, чтобы показалось, что он делает что-то ради вселенной, но помнил, что всякое происшедшее исходит оттуда, совершается ради⁴³ этого отечества и предписывается управителем его. (156) Вот потому-то, смотри, что сам он говорит и пишет: «Поэтому, — говорит он, — тебе можно, Диоген, и с царем персов и с царем лакедемонян Архидамом разговаривать так, как ты желаешь». (157) Разве же потому, что он был от свободных родителей? Да разве все афиняне и все лакедемоняне и коринфяне были от рабов, что не могли с ними разговаривать так, как желали, но боялись и угождали? (158) Так почему же, говорит, можно? «Потому что я не считаю это бранный тело моим, потому что я не нуждаюсь ни в чем, потому что закон, и ничто иное, для меня — все». Вот что позволило ему быть свободным. (159) И чтобы ты не подумал, что я привожу примером человека, не связанного обстоятельствами, не имевшего ни жены, ни детей, ни отечества или друзей, или родных, из-за которых он мог бы сгибаться и отвлекаться, возьми Сократа и посмотри на него, имевшего жену и детей — но как чужих, отечество — на сколько следовало и как следовало, друзей, родных, все это — подчиненным закону и повиновению перед законом. (160) Поэтому, когда в военный поход идти следовало, он первым отправлялся и там подвергался опасности совершенно не щадя себя; а когда он был послан тиранами за Леонтом, то, считая это постыдным, и не подумал отправляться, зная, что ему за это придется умереть, может быть⁴⁴. (161) И какое это имело для него значение? Он ведь нечто другое сохранять хотел: не бранный плот, но человека честного, человека совестливого. (162) Вот это нельзя отдавать в распоряжение никому, нельзя подчинять никому. Затем, когда следовало выступать на суде в защиту своей жизни, — разве он ведет себя как имеющий детей, разве как имеющий жену? Нет — как живущий один. (163) А что, когда следовало выпить яд, — как он ведет себя? Хотя он мог спастись и Критон

³⁸ Имеется в виду Эпафродит (см. прим. 5 к I книге).

³⁹ См. прим. 1 к I книге, ср. также I, 8, 14; I, 12, 24; I, 16, 20; III, 20, 4.

⁴⁰ ἐξ ἐλευθέρων γέν. Может быть, здесь следует понимать «...был из свободных» (т. е. в социальном смысле)? Отец Диогена не был рабом. Но ср. § 9 и § 157.

⁴¹ Ср. § 112.

⁴² Т. е. мироздание.

⁴³ ὑπέρ — конъектура. В рукописях — ὑπὲρ («совершается этим отечеством»).

⁴⁴ См. Платон, Апология Сократа, 32с.

говорил ему: «Выйди ради детей»⁴⁵, — что он говорит? Разве он считал это даром Гермеса⁴⁶? Откуда?! Нет — он думает о пристойности, а на остальное и не смотрит и не считается с ним. Он ведь хотел, говорит он, сохранить не брэнное тело, но то, что от справедливого усиливается и сохраняется, а от несправедливого ослабевает и утрачивается⁴⁷. (164) А Сократ постыдным путем не сохраняется, — он, отказавшись поставить предложение на голосование несмотря на требования афинян, он, презревший тиранов⁴⁸, он, ведущий такие разговоры о совершенстве и добродетели: (165) его нельзя сохранить постыдным путем, нет, он умирая спасается, не убегая. Ведь и хороший актер сохраняется, скорее, прекращая когда следует, чем играя несвоевременно. (166) Что же будет с детьми? «Если бы я отправился в Фессалию, то вы бы позаботились о них, — а когда я переселился в обитель Аида, то никто не станет заботиться?»⁴⁹. Смотри, как он мягко и насмешливо говорит о смерти. (167) А если бы это были я и ты, то мы, тотчас же расфилософствовавшись о том, что «против тех, кто поступает несправедливо, следует защищаться теми же способами» и добавив, что «я буду полезен многим людям, если сохраняюсь, а если умру, то — никому», мы, даже если бы нужно было пролезть через нору, вышли бы. (168) И как принесли бы мы пользу кому-нибудь?...⁵⁰ Если мы существуя были полезны, то разве умерев когда следовало и как следовало не гораздо больше пользы принесли бы мы людям? (169) И сейчас, вследствие того, что Сократ тогда — умер, ничуть не менее, или даже более полезна людям память обо всем том, что он еще живя делал или говорил.

(170) Вот к чему приучай себя, вот к этим мнениям, вот к этим рассуждениям, вот на эти смотри примеры, если хочешь быть свободным, если желаешь этого дела, оценив его по достоинству. (171) И что удивительного, если такое великое дело ты покупаешь такой дорогой и великой ценой? Ради того, что считается свободой, одни вешаются, другие бросаются в пропасть, а иногда и целые города погибали. (172) А разве ради истинной, огражденной от злоумышлений и надежной свободы ты не отдашь богу, когда он требует, то, что он дал тебе? Разве ты не будешь приучать себя не только к тому, чтобы умирать, как говорит Платон⁵¹, но и к тому, чтобы подвергаться пыткам, изгнанию, порке, одним словом, к тому, что бы отдавать все чужое? (173) Стало быть, ты будешь рабом из рабов; и даже если много тысяч раз будешь консулом, и даже если войдешь в палатинский дворец⁵² — будешь рабом ничуть не менее: и ты поймешь, что философы утверждают, может быть, парадоксальные вещи, как об этом узнаешь, что это истинно и что от всего того, чем дорожат и чем серьезно заняты, нет никакой пользы тем, кто этого достиг; а у тех, кто еще не достиг, возникает представление, что если у них окажется это, то у них будут все блага; затем, когда это уже окажется у них, — жар такой же, те же метания, отвращение, желание того, чего у них нет. (175) Ведь не исполнением, отворачиванием, желанием того, чего у них нет, подавлением желания. (176) нением желаемого обретается свобода, но подавлением желания.

⁴⁵ См. Платон, Критон, 45с — d. — «Выйди» — т. е. из тюрьмы (побег был подготовлен друзьями Сократа, и от него требовалось только согласиться «выйти»).

⁴⁶ «дар Гермеса» — счастливая находка, неожиданная удача.

⁴⁷ См. Платон, Критон, 47d.

⁴⁸ См. Платон, Апология Сократа, 32а — е; Ксенофонт, Воспоминания

о Сократе, I, 1, 18.

⁴⁹ См. Платон, Критон, 54а.

⁵⁰ Здесь небольшое непонятное предложение. Вероятно, текст испорчен. Предлагается много конъектур.

⁵¹ См. Платон, Федон, 64а, 67d — е (ср. также Государство, 361е).

⁵² На Палатинском холме находились дворцы (резиденции) цезарей.

⁵³ См. прим. 25 к I книге. — Изречение, с незначительным отличием, приписывается Зенону и возводится к Сократу.

И чтобы ты узнал, что это истинно, ты, как ради всего того приложил ты усердие, вот так и на все это перенеси свое усердие: поощряй по почам ради того, чтобы добиться мнения, делающего свободным, (177) будь обходителен не с богатым стариком, а с философом, у его появляйся порога — не опозоришься, появившись там, не уйдешь ни с чем и без выгоды, если обратишься как следует. Во всяком случае, попытайся хоть: попытка не постыдна.

II. ОБ ОБЩЕНИИ

(1) На этот вопрос прежде всего должен ты обращать внимание, а именно: никогда не общаться с кем-нибудь из прежних близких или друзей так, чтобы опускаться до его уровня; иначе — ты утратишь себя. (2) А если у тебя проскальзывает мысль: «Я покажусь ему неприветливым, и он не будет ко мне относиться так же, как прежде», помни, что даром ничего не бывает и невозможно быть тем же, как когда-то, не делая того же. (3) Так вот, выбирай, хочешь ли ты так же быть любимым теми, кем был любим прежде, но быть таким же, каким был ты прежде, или быть лучше, но не встречать с их стороны того же отношения. (4) Ведь если это лучше, тут же склонись к этому и пусть тебя не отвлекают прочие соображения. Никто ведь, ведя себя двойственно, не может достичь успехов в совершенствовании, но если ты это всему предпочел, если ты только этому хочешь посвятить себя, если над этим усердно работать, оставь все остальное, (5) а иначе эта двойственность будет влиять у тебя и на это и на то: ты и не будешь совершенствоваться должным образом и не будешь достигать того, чего прежде достигал. (6) Ведь прежде, всецело желая того, что не имеет никакой ценности, ты был приятен своему окружению. (7) Однако ты не можешь отличиться в том и другом виде, но неизбежно, насколько ты причастен одному, настолько ты должен отставать в другом. Ты не можешь, если не пьешь с теми, с кем пил, казаться им таким же приятным. Так выбирай, хочешь ли ты быть пьяницей и приятным для них, или трезвым — и неприятным. Ты не можешь, если не поешь с теми, с кем пел, быть так же любимым ими. Так выбирай и здесь, что ты предпочитаешь. (8) Ведь если лучше быть человеком совестливым и порядочным, чем чтобы кто-то сказал: «Приятный человек», оставь все прочее, отвергни, отворачивайся, не имей ничего общего со всем тем. (9) А если тебе не нравится это, целиком склонись к противоположному: стань одним из распутников, одним из прелюбодеев, делай все последующее, и ты будешь достигать того, чего хочешь. И, вскакивая, подкрикивай плясуну. (10) А такие различные роли несовместимы. Ты не можешь и Терсита играть и Агамемнона. Если ты хочешь быть Терситом, то ты должен быть горбатым и плешивым, если Агамемноном, то — величественным и прекрасным и любящим своих подчиненных.

III. ЧТО НА ЧТО СЛЕДУЕТ МЕНЯТЬ

(1) Вот чем руководствуйся, когда лишаешься чего-то из относящегося к внешнему миру: что взамен того ты приобретаешь. И если это стоит большего, никогда не говори: «Я потерпел ущерб». (2) Ты не терпишь ущерба, если взамен осла приобретаешь коня, взамен барана — быка, взамен монетки — прекрасное деяние, взамен пустословия — покой, какой должен быть, взамен сквернословия — совесть. (3) Памятуя об этом, ты повсюду сохранишь свое лицо, каким оно должно быть у тебя. А иначе — имей в виду, что ты напрасно тратишь время, и все те усилия, которые ты сейчас посвящаешь себе, развеются у тебя прахом и потерпят крушение. (4) А немного нужно для утраты и крушения всего: малейшего отклонения

IV. ПРОТИВ УСЕРДНО УСТРЕМЛЕННЫХ К ТОМУ, ЧТОБЫ
ПРОВОДИТЬ ЖИЗНЬ В ПОКОЕ

⁵⁴ «неподверженность страстям» — конъектура. В рукописях — «повиновение» (т. е. богу).

те. Предлагаются конъектуры. В. В. Казанский, Лонгин — известные римские юристы I в. н. э.

⁵⁶ Масаурий Сабин и Гай Кассий Лонгин — известные римские юристы I в. н. э. (имеются в виду не законы их, и их истолкования законов).

(6) Вот я призываюсь на какое-то дело — и вот я иду с намерением обращать внимание на мерки, которые следует соблюдать, потому что делать следует с совестью, с осторожностью, без стремления и избегания по отношению ко всему тому, что относится к внешнему миру, (7) и затем, я обращаю внимание на людей, что они говорят, как движутся, причем не злобно и не для того, чтобы я мог порицать или насмехался, но я обращаю свое внимание к самому себе, не совершаю ли и сам я этих же ошибок. «Так как же мне перестать совершать их?». Тогда и я совершал эти ошибки, а сейчас — больше нет, благодарение богу.

(8) Ну, сделав это и посвятив себя этому, разве ты сделал дело худшее, чем если бы прочитал тысячу строк или написал столько же? Ведь когда ты ешь, разве ты огорчен тем, что не читаешь? Разве тебя не удовлетворяет — есть в соответствии со всем тем, что ты прочитал? Или — когда ты моешься, когда ты занимаешься гимнастическими упражнениями? (9) Так почему же ты не остаешься одинаковым во всем, и когда обращаешься к цезарю, и когда к такому-то? (10) Если ты сохраняешь в себе человека неподверженного страстям, если человека неуязвимого, если человека сдержанного, если ты предпочитаешь смотреть на происходящее, чем чтобы на тебя смотрели, если ты не завидуешь тем, кто пользуется большим почетом, если тебя не поражают материальности, — чего тебе недостает? Книг? Как, или для чего? (11) Да разве это не подготовка какая-то для жизни? А жизнь состоит из чего-то иного, а не из чтения книг. Это как если бы атлет, выходя на ристалище, стал плакаться на то, что он не упражняется вне ристалища. (12) Ради этого ты упражнялся, для этого были гири, песок, юноши. И вот теперь ты ищешь всего того, когда пришло время делу? (13) Это как если бы в вопросе о согласии, когда сопоставляются представления, одни из которых — постигающие⁵⁷, а другие — непостигающие, мы не различать их хотели бы, но читать сочинения О п о с т и ж е н и и. (14) Так в чем же причина? В том, что мы никогда не читали ради того, никогда не писали ради того, чтобы на деле пользоваться в соответствии с природой возникающими представлениями, но ограничиваемся тем, чтобы узнать, что говорится, и мочь истолковать другому, свести силлогизм к схеме и привести последовательно к заключению условное рассуждение. (15) Поэтому, где усердное устремление — там препятствие. Ты хочешь того, что не зависит от тебя, во что бы то ни стало? Стало быть, испытывай помехи, испытывай препятствия, терпи неуспех. (16) А если бы мы читали сочинения О в л е ч е н и и не ради того, чтобы узнать, что говорится о влечении, но — чтобы влечения у нас были правильные, сочинения О с т р е м л е н и и и и з б е г а н и и — чтобы никогда в своих стремлениях не терпеть неуспех и в своих избеганиях не терпеть неудачу, сочинения О д о л ж н о м — чтобы, помня об отношениях, не делать ничего без разумного основания и не в соответствии с должным, (17) то мы не были бы недовольны тем, что относительно чтения испытываем препятствия, но удовлетворялись бы исполнением соответственных чтением дел и считали бы не то, что до сих пор привыкли считать: «Сегодня я прочитал столько-то строк, написал — столько-то», (18) но: «Сегодня я влечением пользовался как предписывается философами, стремлением я не пользовался, избеганием — только по отношению к тому, что зависит от свободы воли, я не пораился такому-то, не был приведен в смущение таким-то, я упражнял терпимость, воздержность, способность к содействию». И вот так мы были бы благодарными богу за все то, за что следует быть благодарным. (19) А в действительности мы не ведаем, что и сами, по-иному, становимся подобными толпе. Другой боится, что не займет

⁵⁷ См. прим. 38 к III книге.

⁵⁸ См. прим. 28 к I книге.

59 См. прим. 170 к III книге.

Участок на северо-западе от Афин, посвященный герою Академу, с садом и гимнасием (в Академии была школа Платона).

⁶¹ См. Платон, Пир, 219e—221c.

⁶² См. прим. 36 к II книге (см. также Д и о г. Л., II, 42).

знание не происходит без шума. Должно быть много противников в упражнениях, много кричащих, много распорядителей игр, много зрителей. — (32) Но я хотел бы проводить жизнь в покое. — Стенай, стало быть, и сетуй, как ты и достоин этого. В самом деле, какое иное наказание может быть необразованному и неповинующемуся божественным распоряжениям больше, чем огорчение, сокрушение, зависть, одним словом, несчастье и злополучие? Разве ты не хочешь избавить себя от всего этого? — (33) И как избавить? — Разве не много раз слышал ты о том, что стремление ты должен устранить совершенно, избегание обратить только к тому, что зависит от свободы воли, должен оставить все: тело, имущество, репутацию, книги, шум, должности, незанятие должностей? Ведь куда бы ты ни стал клониться — ты попал в рабство, в подчинение, стал подвластен помехам, принуждению, целиком зависимым от других. (34) Но ты должен руководствоваться словами Клеанта:

Веди меня, о Зевс, и ты, Судьба моя ⁶³

Хотите — в Рим? В Рим. На Гиары ⁶⁴? На Гиары. В Афины? В Афины. В тюрьму? В тюрьму. (35) Если ты раз скажешь: «Когда можно в Афины отправиться?» — ты пропал. Неизбежно, во всяком случае, что это стремление, если оно не осуществляется, должно делать тебя несчастным, а если осуществлено, — пустым, возносящимся от того, от чего не следует, точно так же, если ты будешь испытывать препятствия, — злополучным, терпящим неудачу в том, в чем ты не хочешь. (36) Так оставь все это. «Афины — прекрасны». Но гораздо прекраснее — быть счастливым, быть неподверженным страстям, невозмутимым, не быть зависимым ни от кого в своих делах. (37) «В Риме — шум и почтительные приветствования». Но жить в спокойствии — превыше всех неприятностей. Так вот, если им пришло время, почему ты не устранишь свое избегание их? Какая необходимость — как ослу из-под палки нести свое бремя? (38) А иначе, смотри, ты всегда должен быть в рабстве у того, кто может устроить тебе отправление ⁶⁵, кто может воспрепятствовать во всем, и служить ему, как злему божеству. (39) Один только путь к спокойствию (этим с раннего утра и день и ночь руководствуйся): отказаться от всего того, что не зависит от свободы воли, ничего этого не считать своим, предоставить все это божеству, судьбе, их сделать у себя попечителями этого всего, кого и Зевс сделал, (40) а самому посвятить себя только одному — своему, тому, что неподвластно помехам, и читать для того, чтобы чтение было направлено к этой цели, так же — и писать, и слушать. (41) Поэтому я не могу назвать трудолюбивым человека, если услышу только о том, что он читает или пишет, и даже если добавят, что — целыми ночами, я еще не назову, если не узнаю, к какой это направлено цели. Ведь и ты не называешь трудолюбивым того, кто не спит по ночам из-за девочки. Стало быть — и ни я. (42) Но если он делает это ради славы, я называю его славолубивым, если ради серебра, то — сребролюбивым, но не трудолюбивым. (43) А если цель его усердного труда направлена у него к своей высшей духовной части ⁶⁶, чтобы она пребывала в состоянии соответствия с природой, только тогда я называю его трудолюбивым. (44) В самом деле, никогда не хвалите и не порицайте на основании общих особенностей, но — на основании мнений. Именно они составляют характерные особенности каждого, они и делают деяния постыдными или прекрасными. (45) Помня об этом, радуйся тому,

⁶³ См. прим. 136 к II книге.

⁶⁴ См. прим. 82 к I книге.

⁶⁵ τῆς ἐξόδου. — Непонятно, в каком из его значений употреблено это слово: выход; уход, отправление (здесь, вероятно, в Афины); исход; кончина, смерть?

⁶⁶ См. прим. 48 к I книге.

что есть, и люби то, чему пришло время. (46) Если ты видишь, что то или иное из того, чему ты учился и над чем размышлял, встречается тебе на деле, будь рад этому. Если ты злонаравие и бранливость изжил в себе, уменьшил, если опрометчивость, если сквернословие, если легкомысленность, если небрежность, если ты не движим к тому, к чему был прежде, во всяком случае если не так же, как прежде, — ты можешь справлять праздник каждый день: сегодня — потому что правильно вел себя в этом деле, завтра — потому что в другом. (47) Насколько это значительнее причина для жертвоприношения, чем консульство или провинция. Это получается у тебя от тебя самого и от богов. Помни то: кто дал, кому⁶⁷, для чего. (48) Питаясь этими соображениями, ты еще придаешь значение тому, где тебе находиться, чтобы быть счастливым, где тебе находиться, чтобы быть угодным богу? Разве не отовсюду одинаково видят они происходящее?

V. ПРОТИВ СПОРЩИКОВ И ЗВЕРОПОДОБНЫХ

(1) Добродетельный человек ни сам не спорит ни с кем, ни другому не дает, по возможности. (2) А примером и в этом, так же как и во всем остальном, служит нам жизнь Сократа, который не только сам всюду избегал спора, но и другим не давал спорить. (3) Смотри у Ксенофонта в П и р е, сколько споров он порешил, как он, в свою очередь, был терпим с Трасимахом⁶⁸, как — с Полом, как с Калликлом⁶⁹, как он был терпим с женой, как — с сыном, когда тот оспаривал его, прибегая к софистическим уловкам⁷⁰. (4) Ведь он очень твердо помнил о том, что никто над чужой высшей духовной частью⁷¹ не господствует. Значит, он не хотел ничего иного, кроме своего. А в чем это заключается? (5) Не в том, чтобы вот этот был движим в соответствии с природой (это ведь — чужое), но в том, чтобы, тогда как те делают все свое, как им кажется, самому, тем не менее, пребывать в состоянии соответствия с природой, делая только все свое к тому, чтобы и те были в состоянии соответствия с природой⁷². (6) Ведь в этом и заключается цель, которая всегда стоит перед добродетельным человеком. Стать претором ли? Нет. Но если это будет дано, то — в этой материи сохранить свою высшую духовную часть. Жениться ли? Нет. Но если будет дан брак, то — в этой материи сохранить себя в состоянии соответствия с природой. (7) А если он хочет, чтобы сын или жена не совершали ошибок, значит он хочет, чтобы чужое не было чужим. И получение образования в том заключается, чтобы учиться тому, что — свое, и что — чужое. (8) Так где же еще место спору для того, кто находится в таком состоянии? Да разве он удивляется чему бы то ни было происходящему? Да разве это ему представляется новым? Да разве он не ожидает от дурных людей более худшего и более тяжкого, чем то, что получается с ним? Да разве не выгодой считает он всякую крайность, до которой они не доходят? (9) «Такой-то обругал тебя». Большое спасибо, что не ударил. «Но и ударил». Большое спасибо, что не поранил. «Но и поранил». Большое спасибо, что не убил. (10) В самом деле, когда или у кого учился он

⁶⁷ τίςιν. Предлагается конъектура ἐπὶ τίςιν: «на каких условиях».

⁶⁸ См. П л а т о н, Государство.

⁶⁹ См. П л а т о н, Горгий.

⁷⁰ У Ксенофонта в «Воспоминаниях о Сократе» (II, 2) приводится разговор Сократа с старшим сыном Лампроклом. Сократ доказывает сыну, что тот неправ, сердясь на мать. Сын отвечает на его вопросы, без софистических уловок. Может быть, имеется в виду другой случай, из недошедшего источника.

⁷¹ См. прим. 48 к I книге.

⁷² Текст § 5 испорчен.

тому, что человек — существо кроткое, что — взаимолюбивое, что великим вредом для совершающего несправедливость является сама эта несправедливость⁷³? Так если он не научился этому и не убедился в этом, — почему ему не следовать тому, что ему представляется полезным? (11) «Сосед забросал камнями». Так разве это ты совершил ошибку? «Но в доме все разбито». Так разве ты — утваришка? Нет, ты — свобода воли. (12) Так что же тебе дано против этого? Как волку — кусаться в ответ и забрасывать других камнями еще больше. А если ты ищешь, что тебе дано как человеку, исследуй свое хранилище, посмотри, какие способности имея пришел ты. Разве способность к звероподобности? Разве способность к злопамятности? (13) Когда же лошадь несчастна? Когда она лишается своих природных способностей: не тогда, когда она не может куковать, но когда не может бегать. А собака? Когда летать не может? Нет, когда не может идти по следу. (14) Значит, не так же ли и человек злосчастен, не тот, который не может душить львов⁷⁴ или обхватывать статуи⁷⁵ (ведь он пришел не имея какие-то способности для этого от природы), но тот, который потерял доброжелательность, честность? (15) Вот его следовало бы, собравшись, оплакивать: на сколько зол пришел он! Не того, клянусь Зевсом, кто родился или кто умер⁷⁶, но того, кто при жизни имел несчастье потерять свое — не отцовское, землишко, домишко, гостиницу, бранных рабов (ведь ничто из этого у человека не свое, но все — чужое, рабское, подвластное, даваемое их господами то одним, то другим), (16) но — человеческое, те чеканы, имея которые на своей мысли пришел он, какие и на монетах ища, мы, если найдем их, признаем монеты годными, а если не найдем, отбрасываем. (17) «Чей чекан имеет этот сестерций? Траяна? Подавай. Нерона? Отбрось прочь, он не годный, дрянной». Вот так и здесь. Какой имеют чекан мнения его? «Кротость, способность к жизни в обществе, терпимость, взаимолюбие». Подавай, принимаю, признаю его гражданином⁷⁷, принимаю в соседи, в спутники на море. (18) Смотри только, не неронов ли имеют они чекан. Не раздражительный ли он, не гневливый ли, не жалующийся ли на свою судьбу? «Если ему вздумается, он колотит по голове каждого встречного»⁷⁸. (19) Так что же ты говорил, что он человек? Да разве просто по внешнему виду судят о чем бы то ни было из существующего? В таком случае, говори, что и сделанное из воска яблоко есть яблоко. (20) Оно и запах должно иметь и вкус. Внешнего очертания недостаточно. Значит и что касается человека, недостаточно носа и глаз, но нужно, чтобы мнения он имел человеческие. (21) Этот не внемлет разуму, не понимает, когда его обличают: он — осел. У этого совесть омертвела: он — непригодный, все что угодно, только не человек. Этот ищет, кого бы повстречать, чтобы лягнуть или укусить: так что он даже не баран или осел, но какой-то дикий зверь. — (22) Так что же, ты хочешь, чтобы меня пре-

⁷³ См., например, П л а т о н, Софист, 222b; Критон, 49b; Государство, 366c — 367d.

⁷⁴ Как Геракл.

⁷⁵ См. прим. 55 к III книге.

⁷⁶ См. Э в р и п и д, Кресфонт, фрагмент 449 (Tragicorum Graecorum Fragmenta, res. Aug. Nauck²):

Должны б, собираясь, мы того, родился кто,
Оплакивать: на сколько зол приходит он!
Того же, умер кто, избыв страданья все,—
Из дома выносить в безмолвной радости.

Ср. также Г е р о д о т, V, 4.

⁷⁷ Гражданин (т. е. свободный человек) — как антитеза раба (и в «малом» и в «великом» полисе).

⁷⁸ Ср. С в е т о н и й, Нерон, 26.

благодарным, повсюду смело уверенным, когда дело касается всего чужого, ничего не стоящего. (36) Но написать и прочесть все это и похвалить при чтении мы в состоянии, а убедиться — ничуть. (37) Вот потому-то сказанное по поводу лакедемонян

Дома — львы, в Эфесе — лисы ⁸²

и к нам подойдет: в школе — львы, а вне — лисы.

VI. ПРОТИВ МУЧАЩИХСЯ ОТ ТОГО, ЧТО ИХ ЖАЛЕЮТ

(1) — Я огорчаюсь, — говорит, — когда меня жалеют. — Так твое ли это дело, что тебя жалеют, или это дело тех, кто жалеет? Ну, а от тебя ли зависит прекратить это? — От меня, если я буду показывать им себя не заслуживающим жалости ⁸³. — (2) А в твоей ли уже власти это, не быть заслуживающим жалости, или не в твоей? — Я-то думаю, что в моей власти. Но они-то не за то жалеют, за что, если уж жалеть, это было бы заслуженно, — за совершаемые ошибки, но за бедность, незанимание должностей, болезни, смерти и тому подобное. — (3) Так к тому ли ты подготовлен, чтобы убеждать толпу в том, что именно ничто из этого не есть зло, но что счастливым можно быть и бедному, и незанимающему должностей, и лишенному почестей, или к тому, чтобы показывать ей себя богатым и занимающим должности? (4) Ведь второе свойственно бахвалу, пустому, ничего не стоящему. И смотри, с помощью каких средств совершилось бы это притворство: ты должен будешь нанять ⁸⁴ рабов, приобрести немного серебряной утваришки, причем выставлять ее на видном месте, если возможно, ту же самую часто, пытаюсь делать незаметным, что это — та же самая, блистательную одежонку и прочую помпу, производить видимость человека, почитаемого этими вот видными людьми, и пытаться обедать у них или, во всяком случае, производить впечатление, что обедаешь, да и относительно тела прибегать к кое-какой искусственности, для того чтобы казаться статнее и благороднее, чем в действительности. (5) Вот к каким средствам должен ты прибегать, если хочешь идти по второму пути, для того чтобы тебя не жалели. А первый путь и тщетен и долог — то, чего Зевс не смог сделать, а именно: браться убедить всех людей, в чем заключается благо и зло. (6) Да разве дано тебе это? Только то тебе дано — самого себя убедить. И пока еще ты не убедил. Ну и вот берешься, мне, убеждать других? (7) И кто бывает с тобой столько времени, сколько сам ты с собой? А кто обладает такой силой убедительности для тебя, в том, чтобы убедить, как сам ты для себя? А кто благожелательнее и ближе, чем сам ты по отношению к себе? (8) Так как же ты пока еще не убедил самого себя научиться этому? Сейчас у тебя разве не перевернуто то, чему ты усердно учился ⁸⁵, чтобы быть неподверженным огорчениям, невозмутимым, не униженным, свободным? (8) Так разве ты не слышал, что к этому ведет единственный путь — оставить все то, что не зависит от свободы воли, отступить от всего этого и признать все это чужим? (10) Значит, то,

⁸² Цитируемый стих — ямбический триметр (который в переводе не удалось передать). См. А р и с т о ф а н, Мир, 1189—1190: два полустихия, составляющие хорейский тетраметр. У Аристофана стих несколько отличается, и говорится у него по поводу политических деятелей Афин. Но в схолии к этому стиху приводится поговорка по поводу лакедемонян, потерпевших поражение в Азии, — ямбический триметр, как приводимый Эпиктетом, только вместо «лисы» («лисицы») — «лаконцы». Может быть, это цитата из какой-то другой, недошедшей, комедии.

⁸³ Такое сочетание здесь будет не совсем недопустимо, если иметь в виду, что жалость рассматривалась стоиками как отрицательное явление.

⁸⁴ *χρήσασθαι* — точнее: «занять, взять взаймы». — «рабов» — здесь: уменьшительное *δοῦλῆρα* (или в уничижительно-презрительном смысле или в смысле «молоденькие рабы»?).

⁸⁵ Текст § 8 испорчен, предлагается много конъектур.

что другой принял какое-то мнение о тебе, — к какой категории относится? — К категории того, что не зависит от свободы воли. — Следовательно — не имеет никакого отношения к тебе? — Никакого. — Так, значит, еще терзаясь из-за этого и впадая в смятение, ты мнишь, что убедился, в чем заключается благо и зло? (11) Так вот, не хочешь ли ты, оставив всех других, стать самому себе и учеником и учителем? «Другие посмотрят сами, целесообразно ли им пребывать в состоянии несоответствия с природой, а для меня нет никого ближе, чем я. (12) Так что же это значит, что рассуждения философов я слушал и согласен с ними, а на деле мне ничуть не стало легче? Неужели я такой бездарный? Однако ведь, что касается всего остального, чему я хотел учиться, я оказался не таким уж бездарным, но и грамоте быстро научился, и борьбе, и геометрии, и сведению силлогизмов к схемам. (13) Так неужели не убедил меня довод разума? Однако ведь не иное что-то я с самого начала так одобрил или предпочел, и сейчас я об этом читаю, об этом слушаю, об этом пишу. Иного не нашли мы до сих пор более сильного довода разума, чем этот. (14) Так чего же мне недостает? Может быть, не устранены противоположные этому мнения? Может быть, сами принятые мной мнения не подготовлены упражнениями и не приучены сталкиваться с делами, но как бранные доспехи, лежащие рядом, ржавеют и даже облечь меня не могут? (15) Между тем, ни что касается борьбы, ни что касается писания или чтения, я не довольствуюсь тем, чтобы научиться, но так и сяк обдумываю предлагаемые рассуждения, составляю другие, и точно так же — изменяющиеся рассуждения. (16) А что касается необходимых теоретических правил, исходя из которых можно стать неподверженным огорчениям, страхам, страстям, неподвластным помехам, свободным, в них я не упражняюсь и не занимаюсь должным в соответствии с ними приучением себя. (17) И мне еще есть дело до того, что другие скажут обо мне, покажусь ли я им значительным, покажусь ли счастливым?». (18) Несчастный, не хочешь ли ты смотреть, что сам ты говоришь о себе? каким сам кажешься себе? каким — в принятии мнений, каким — в своем стремлении, каким — в своем избегании, каким — в влечении, подготовке, намерении, всех остальных человеческих делах? Но тебе есть дело до того, жалеют ли тебя другие? — (19) Да, но меня не заслуженно жалеют. — Значит, ты от этого мучишься? А мучающийся-то — достоин жалости? — Да. — Так как же еще тебя не заслуженно жалеют? Ведь именно из-за страданий, которые ты терпишь по поводу жалости, ты делаешь себя заслуживающим жалости. (20) Что же говорит Антисфен⁸⁶? Ты никогда не слышал? «Это царский удел, Кир: быть в хорошем состоянии, а слыть — в плохом»⁸⁷. (21) Голова у меня здорова — и все думают, что у меня голова болит. Какое мне дело? У меня нет лихорадки — и мне соболезнают как болеющему лихорадкой: «Бедняга, столько времени у тебя не проходит лихорадка!». Говорю и я, приняв мрачный вид: «Да, действительно много уже времени, как мне плохо». — «Что же будет?» — «Как богу будет угодно». И в то же время подсмеиваюсь над сочувствующими мне. (22) Так что же мешает подобному и здесь. Я беден, но у меня правильное мнение о бедности. Так какое же мне дело, если меня жалеют за бедность? Я не занимаю должности, а другие занимают. Но какое следует принять мнение, такое я и принял о занимании и незанятии должностей. (23) Жалеющие меня посмотрят сами, а я и не

⁸⁶ См. прим. 51 к I книге.

⁸⁷ См. Диог. Л., VI, 3; Марк Аврелий, VII, 36; Плутарх, Александр, 41. Во всех случаях это изречение несколько отличается, но везде (также и здесь) понимается в смысле: делать (у Эпиктета и у Марка Аврелия — *πράττειν*, в остальных случаях — *ποιεῖν*) хорошее (поступать хорошо), а в ответ слышать плохое. Эпиктет, по-видимому, имеет в виду, судя и по контексту, не этот смысл, и вероятно, *πράττειν* с наречием здесь употреблено в значении: быть в том или ином состоянии.

голоден, и не жажду, и не мерзну, но от чего сами они голодны или жаждут, они думают, что от того же — и я. Так что же мне с ними делать? По всему свету провозглашать и говорить: «Не заблуждайтесь, люди, мне — хорошо: я ни на бедность не обращаю внимания, ни на незанятие должностей, одним словом, ни на что иное, кроме правильных мнений. Они у меня неподвластны помехам, больше ничем я не озабочен?» (24) И что это за болтовня?! Как это еще мнения у меня правильные, если для меня недостаточно быть тем, кто я есть, но меня волнует то, кем я кажусь? — (25) Но другие достигнут большего и будут пользоваться большим почетом. — Так что же разумнее, чем когда прилагающие усердие к чему-то имеют преимущество в том, в чем они прилагают усердие? Они к должностям прилагают усердие, ты — к мнениям, они — к богатству, ты — к пользованию представлениями. (26) Смотри, в том ли имеют они перед тобой преимущество, к чему ты прилагаешь усердие, а они относятся с пренебрежением: более ли соответствуют природным меркам их согласия, более ли, чем твои, не терпят неуспех их стремления, более ли, чем твои, не терпят неудачу их избегания, более ли, чем ты, достигают они желанной цели в намерении, в замысле, в влечении, соблюдают ли они подобающее как люди, как сыновья, как родители и так далее в соответствии с прочими названиями отношений. (27) А если они занимают должности, а ты — нет,⁸⁸ не хочешь ли сказать самому себе правду, что ты-то ничего ради этого не делаешь, а они — всё, а совершенно неразумно, чтобы заботящийся о чем-то достигал в этом меньшего, чем пренебрегающий? — (28) Но поскольку я забочусь о правильных мнениях, то разумнее, чтобы правил⁸⁹ я. — В том, о чем ты заботишься, — в мнениях. А в том, о чем другие больше тебя заботятся, уступай им. Это как если бы оттого, что мнения у тебя правильные, ты считал, что в стрельбе из лука ты должен преуспевать больше, чем лучники, или в кузнечном деле — больше, чем кузнецы. (29) Так оставь усердие к мнениям и занимайся тем, что ты хочешь приобрести, и вот тогда плачь, если это тебе не будет удаваться: ты ведь заслуживаешь того, чтобы плакать. (30) А в действительности, ты говоришь, что посвящаешь себя другому, заботишься о другом. Да и в народе это правильно говорят, что дело делу рознь. (31) Тот, встав с рассветом, ищет, кого ему из дома⁹⁰ приветствовать, кому сказать угодное слово, кому послать подарок, как поправиться плясуну, как очернить одного, чтобы тем самым угодить другому. (32) Когда он молится, то об этом он молится. Когда он совершает жертвоприношения, то по поводу этого совершает он жертвоприношения. Пифагорова

Сну не дай низойти на свои усталые очи⁹¹

он сюда применил. (33) «В чем преступил я»⁹² из того, что относится к лести? „Что сделал?“ Не как свободный ли, не как благородный ли?». И если найдет такое что-то, упрекает себя и винит: «Да и к чему тебе было говорить это? Да разве нельзя было солгать? Даже философы говорят, что ничто не мешает сказать ложь⁹³». (34) А ты, если только ты действительно ни о чем

⁸⁸ «— нет,» — добавлено по конъектуре (из критического аппарата).

⁸⁹ «править» и выше «занимать должность» — по-гречески выражается одним словом *ἄρχειν* (начинать, быть первым; начальствовать, править; занимать государственную должность).

⁹⁰ Предлагаются конъектуры: «из дома цезаря» (см. прим. 1) или «выйдя из дому». — Под «приветствованиями» (этому слову соответствует латинское *salutatio*) имеется в виду римский институт клиенты.

⁹¹ См. III, 10, 2—3 и прим. 48.

⁹² Фразы, заключенные в внутренние кавычки (лапки), в § 33—35 — цитаты отсюда же.

⁹³ См. Stobaeus, Ecl., II, 7, 11^m (vol. II. p. 111, 13ff., ed Wachsmuth); С е к с т Э м п и р и к, Против ученых, VII, 42—45.

другом не заботишься, кроме должного пользования представлениями, сразу же как встанешь на заре, думай: «Чего мне недостает для неподверженности страстям? Чего — для невозмутимости? Кто я? Бренное тело ли, имущество ли, репутация ли? Ничто из этого. Но — что? Я — существо, наделенное разумом». (35) Каковы же требования к нему? Вновь и вновь обдумывай содеянное: «В чем преступил я» из того, что относится к спокойствию? „Что сделал“ противное дружбе или жизни в обществе, или доброжелательности? „Какой мною долг не исполнен“ в отношении всего этого?».

(36) Так вот, при таком расхождении между желаниями, делами, молитвами, ты еще хочешь иметь равную долю с ними в том, к чему ты не прилагаешь усердия, а они прилагают? (37) И ты еще удивляешься, если они жалеют тебя, и недоволен? А они не недовольны, если ты жалеешь их. Почему? Потому что они убеждены в том, что они достигают благ, а ты не убежден. (38) Поэтому ты не довольствуешься своим, но домогаешься того, что их, а они довольствуются своим и не домогаются твоего. Право же, если бы ты действительно был убежден в том, что в отношении благ преуспевающий — это ты, а они совершенно заблуждаются, ты и не думал бы о том, что они говорят о тебе.

VII. О БЕЗБОЯЗНЕННОСТИ

(1) — Что делает тирана внушающим страх? — Телохранители, — говорит, — и мечи их, спальники и не впускающие входящих. — (2) Так почему же, если ребенка приведешь к нему, окруженному телохранителями, ребенок не боится? Потому ли, что ребенок не осознает их? (3) Так если кто-то осознает телохранителей и что у них есть мечи, а именно затем и приходит к нему, оттого что хочет умереть благодаря какому-нибудь обстоятельству и ищет от руки другого претерпеть это с легкостью, — разве боится он телохранителей? — Он ведь хочет именно того, благодаря чему они и внушают страх. — (4) Так если кто-то, когда не во что бы то ни стало хочет умереть или жить, но как это будет дано, приходит к нему, — что мешает приходить к нему без страха? — Ничто. — (5) Так если кто-то и к имуществу так же относится, как этот — к телу, и к детям, и к жене, и просто если под влиянием безумия и отчаянности настроен так, что ему совершенно безразлично, иметь это или не иметь, но подобно тому как играющие в черепочки ⁹⁴ дети заинтересованы в игре, а черепочки их не занимают, вот так если и он материальностям не придает никакого значения, а игру, имеющую дело с ними, и поведение в ней почитает, — какой еще тиран может внушать ему страх, или какие телохранители, или какие мечи их? (6) И вот, под влиянием безумия кто-то может вот так быть настроенным по отношению ко всему этому, и под влиянием обычая — галилеяне ⁹⁵, а под влиянием разума и доказательства никто не может постичь, что бог создал все в мироздании и само мироздание в целом — неподвластно богам помехам и самоцелей, а части его — для надобностей всей совокупности в целом? (7) Так вот, все остальные существа лишены способности понимать его управление, а наделенное разумом существо обладает возможностями для рассмотрения этого всего, и что само оно — часть, и опосредованно для рассмотрения этого всего, и что правильно, чтобы части уступали всей совокупности в целом. (8) К тому же, родившееся по природе благородным, наделенным величием духа, свободным, оно видит, что среди всего при

⁹⁴ Игра в черепки заключалась в том, что, в зависимости от того, падал ли черепок черной или белой стороной кверху, одна партия играющих пускалась бежать, а другая — догонять.

⁹⁵ Многие полагают, что галилеянами здесь названы христиане (ср. II, 9, 19—21). — «обычая» — ἔθος; предлагаются различные конъектуры.

нем то-то у него неподвластно помехам и зависит от него, а то-то — подвластно помехам и зависит от других: неподвластно помехам — то, что зависит от свободы воли, а подвластно помехам — то, что не зависит от свободы воли. (9) И поэтому, если оно только в этом будет считать свое благо и пользу, в том, что неподвластно помехам и зависит от него, то будет свободным, спокойным, счастливым, неуязвимым для вреда, с высоким образом мыслей, благочестивым, благодарным за все богу, никогда не жалующимся ни на что, никого не винящим, (10) а если — в том, что относится к внешнему миру и что не зависит от свободы воли, то оно неизбежно должно испытывать помехи, испытывать препятствия, быть в рабстве у имеющих власть над тем, чем оно дорожит и перед чем испытывает страх, (11) неизбежно должно быть нечестивым, так как будет думать, будто ему причиняется вред богом, и несправедливым, поскольку всегда будет притязать на большее для себя, а также неизбежно должно быть низким и мелочным. (12) Что мешает постигнутому это жить легко и покорно, всего могущего случаться спокойно ожидая, а уже случившееся перенося? (13) Хочешь мне бедности? Подавай, и ты узнаешь, что такое бедность, нашедшая для своего исполнения прекрасного актера⁹⁶. Хочешь мне должностей? Подавай. Хочешь мне незанятия должностей? Подавай. Но страданий мне хочешь? Подавай и страдания. (14) Но изгнания? Куда бы я ни отправился, там мне хорошо будет. Ведь и здесь не благодаря месту было мне хорошо, но — благодаря мнениям, которые я буду с собой уносить. В самом деле, никто и не может отнять у меня их, но только они — мое и не могут быть отняты, и мне достаточно того, что они при мне, где бы я ни был и что бы я ни делал. — (15) Но вот уже пришло время умереть. — Что ты говоришь «умереть»? Не изображай в трагическом духе это дело, но скажи, как есть: «Вот уже пришло время этой материи распасться обратно на те элементы, из соединения которых она составила». И что в этом ужасного? Что может исчезать в мироздании? Что может возникнуть нового, паралогического? (16) Из-за этого внушает страх тиран? Благодаря этому кажется, будто мечи у телохранителей огромные и острые? Другим это. А у меня рассмотрено обо всем, надо мной никто власти не имеет. (17) Я отпущен на свободу богом, я узнал его указания, уже никто не может увести меня в рабство, у меня есть объявитель моей свободы, какой должен быть, судьи, какие должны быть. (18) Не над телом ли моим ты господин⁹⁷? Так какое это имеет отношение ко мне? Не над бранным ли имуществом? Так какое это имеет отношение ко мне? Не над изгнанием ли, или оковами? Опять-таки, все это и бранный тело целиком я тут же уступаю тебе, когда хочешь. Испытай надо мной свою власть, и тогда узнаешь, до какого лишь предела она у тебя. (19) Так кого же еще могу я бояться? Спальников? что они сделают что-то? что не впустят меня? Если они найдут, что я хочу войти, пусть не впускают. — Так что же ты приходишь к порогу? — Потому что я должен, по-моему, пока игра продолжается, принимать участие в игре. — (20) Как же не не впускают тебя? — Потому что, если меня не принимают, я не хочу войти, но всегда предпочитаю то, что получается. Ведь я считаю, что то, чего хочет бог, лучше, чем то, чего хочу я. Я буду преданным ему слугой и сопровождающим⁹⁸. У меня единые с ним влечения, единые с ним стремления, одним словом,

⁹⁶ См. Руководство Эпиктета, глава 17: «Помни, что ты актер в драме, какую хочешь постановщик... Если он хочет, чтобы ты сыграл нищего, ты и его должен играть талантливо...».

⁹⁷ Предлагается конъектура: «Разве над телом твоим я не господин?» (соответственно, ниже должно быть: «Разве над бранным имуществом?», «Разве над изгнанием или оковами?», т. е. «я не господин?»).

⁹⁸ ἀκολουθός — так назывался раб, сопровождающий господина.

единые с ним желания. Не впускают не меня, но тех, кто вламывается. (21) Почему же я не вламываюсь? Потому что я знаю, что там никакого блага не раздают входящим. Но когда я слышу, что кого-то считают счастливым, потому что он в чести у цезаря, я говорю: «Что ему достается? Так разве и мнение, какое должно быть для управления провинцией? Разве — и относительно исполнения должности прокуратора?»⁹⁹. К чему еще мне проталкиваться? (22) Сушеные фиги с орехами разбрасывают¹⁰⁰. Дети хватают и дерутся между собой. Мужчины — нет: они ведь считают это мелочью. А если черепочки разбрасывать — их даже дети не хватают. (23) Провинции раздают. Дети посмотрят сами. Деньги. Дети посмотрят сами. Преторство, консульство. Пусть расхватывают дети. Пусть их прогоняют, пусть бьют, пусть они целуют руки дающего, рабов его. А для меня это — сушеная фига с орехом. (24) Что же, если случайно, когда он бросал, попала мне за пазуху фига? Взял да и съел. Настолько лишь и можно оценить фигу. А чтоб мне нагибаться, сбивать с ног другого или самому быть сбитым с ног другим, льстить входящим¹⁰¹, — этого не стоит ни фига, ни что бы то ни было другое из не благ, относительно которых философы убедили меня в том, чтобы они не казались благами. (25)¹⁰² Покажи мне мечи телохранителей. Взгляни, какие они огромные и как остры. Так что же делают эти огромные и острые мечи? — Убивают. — (26) А лихорадка что делает? — Ничто иное. — А черепица что делает? — Ничто иное. — Так ты хочешь, чтобы я ко всему этому относился с почитательностью и преклонением и повсюду был рабом всего? Ни в коем случае! (27) Но раз я постиг, что родившееся должно и погибнуть, для того чтобы мироздание не останавливалось и не испытывало препятствий, мне уже безразлично, лихорадка ли сделает это или черепица, или солдат, но если следует сопоставить, я знаю, что безболезненное и быстрее сделает это солдат. (28) Так, значит, когда я и не боюсь чего бы то ни было, чем тиран может воздействовать на меня, и не жажду чего бы то ни было, что он может предоставить, — что еще мне относиться с почитательностью к нему, что еще мне относиться с трепетом? Что мне бояться телохранителей? Что мне радоваться, если он по-человечески поговорит со мной и примет меня, и рассказывать другим, как он поговорил со мной? (29) Не Сократ же он, не Диоген же, чтобы его похвала служила доказательством, свидетельствующим обо мне? Не стал же я его права ревностным последователем? (30) Но соблюдая игру, я иду к нему и служу, до тех пор пока он не велит ничего глупого и несуразного. А если он мне говорит: «Пойди за Леонтом саламинцем»¹⁰³, я говорю ему: «Ищи другого: я больше не играю». (31) «Уведи его»¹⁰⁴. Я следую в соответствии с игрой. — Но тебе снесут голову. — А у него самого она вечно будет держаться, а у вас, повинующихся? — Но тебя бросят непогребенным. — Если я — это труп, то бросят. А если я отличен от трупа, то точнее называй вещь, как она есть, и не устарай меня. (32) Детям все это внушает страх и несмыслим. А если кто, в школу философа раз войдя, не знает, что он сам такое, то он заслуживает того, чтобы бояться и льстить тем, кому прежде¹⁰⁵ льстил, если он пока еще не постиг, что он — не плоть, ни кости, ни сухожилия, но — всем этим пользующееся, управляющее и понимающее представления. —

⁹⁹ Текст в кавычках испорчен.

¹⁰⁰ При свадебном обряде, праздновании дня рождения.

¹⁰¹ Т. е. имеющим доступ, входящим (во дворец цезаря). Предлагаются конъектуры: «впускающим», «не впускающим».

¹⁰² В издании, с которого сделан перевод, § 25—27 перенесены между § 15 и § 16.

¹⁰³ См. прим. 44.

¹⁰⁴ Тиран приказывает отвести его за неповиновение в тюрьму.

¹⁰⁵ Конъектура. По рукописям: «тому, чему позднее». Здесь и в конце предложения текст ненадежен.

(33) Да, но эти принципы внушают презрение к законам. — И какие принципы больше, чем эти, приводят к повиновению законам пользующихся ими? А то, что зависит от власти глупца, — это не закон. (34) И все же смотри, как эти принципы подготавливают и вот к этим относиться как следует, поскольку учат не оспаривать у них ничего, в чем они могут нас одолеть. (35) Что касается брэнного тела, учат они отступать, что касается имущества, отступать, что касается детей, родителей, братьев, во всем уступать, все оставлять, — исключая только мнения, которые и по желанию Зевса исключительно должны принадлежать каждому. (36) Какая здесь противозаконность, какая глупость? Где ты лучше и сильнее, там я отступаю перед тобой. Где, напротив, я лучше, ты уступай мне. Я ведь забочусь об этом, а ты — нет. (37) Ты заботишься о том, чтобы жить в домах с мозаикой, чтобы тебе служили рабы и отпущенники, чтобы носить блестящую одежду, чтобы у тебя было много псарей, чтобы у тебя были кифареды, трагические актеры. (38) Разве я оспариваю у тебя это? Так разве о мнениях ты заботишься? Разве о разуме своем? Разве знаешь ты, из каких частей он состоит, как соединен, каково устройство его, какие у него способности и каковы именно они ¹⁰⁶? (39) Так что же ты недоволен, если другой в этом имеет перед тобой преимущество, тот, кто занят этим? — Но именно это самое важное. — И кто тебе мешает этим заниматься и об этом заботиться? А кто больше тебя обеспечен книгами, досугом, теми, кто может тебе помочь? (40) Ты только склонись наконец к этому, удели хотя бы немного времени своей высшей духовной части ¹⁰⁶: рассмотри, что же она у тебя такое и откуда появилась, она, всем остальным пользующаяся, все остальное одобряющая, выбирающая, отбрасывающая. (41) А до тех пор пока ты будешь заниматься тем, что относится к внешнему миру, это будешь ты иметь так, как никто, а ее — такой, какой хочешь иметь: в грязи и небрежении.

VIII. ПРОТИВ ТЕХ, КТО ПОСПЕШНО БРОСАЕТСЯ ЗА ВНЕШНИМ ВИДОМ ФИЛОСОФА

(1) Никогда на основании общих особенностей никого и не хвалите и не порицайте и не пользуйтесь ими как свидетельством о том или ином искусстве или отсутствии искусства. Так вы и от опрометчивости избавитесь и от злонравия. (2) «Этот моется поспешно». Так, значит, он делает неправильно? Вовсе нет. Но что? Моется поспешно. — (3) Так, значит, все происходит правильно? — Отнюдь. Но то, что на основании правильных мнений, — правильно, а то, что на основании негодных, — негодно. А ты, пока не ознакомишься с мнением, на основании которого кто-то делает то-то и то-то, не хвали дело и не порицай. (4) А о мнении по тому, что относится к внешнему, нелегко судить. «Это — плотник». Почему? «Он пользуется теслом». Так что же это значит? «Это — музыкант: ведь он поет». И что это значит? «Это — философ». Почему? «Ведь он носит потертый плащ и длинные волосы». (5) А побирающиеся ¹⁰⁷ что носят? Поэтому, если кто увидит, что кто-то из них непристойно ведет себя, тотчас говорит: «Вот что философ делает!». А скорее следовало бы на основании того, что он непристойно ведет себя, говорить, что он — не философ. (6) В самом деле, если общее понятие о философе и его назначение заключается в том, чтобы носить потертый плащ и длинные волосы, то говорить так было бы правильно, а если — скорее в том, чтобы быть не совершающим ошибок, то почему за неисполнение этого назначения не отрицают за ним этого названия? Ведь именно так и бывает в отношении остальных искусств. (7) Когда

¹⁰⁶ См. прим. 48 к I книге.

¹⁰⁷ ἀγούρται — нищие; шарлатаны. Но в частности так называются нищенствующие жрецы Кибелы, собирающие подаяние в пользу богини.

¹⁰⁸ πρᾶξις. Общие понятия (προλήψεις) по учению стоиков — врожденные, но для того чтобы применять их правильно, их нужно анализировать путем исследования, совершенствовать.

110 См. IV, 7, 38 и прим.

Вестник древней истории, № 2

что я делал, признавали философом, а по отличительным признакам — нет?». Ты смотри, как я ем, как пью, как сплю, как выдерживаю, как воздерживаюсь, как оказываю содействие, как пользуюсь стремлением, как избеганием, как соблюдаю отношения, природные или приобретенные, незапятнанно и неподвластно препятствиям: по этому суди обо мне, если ты можешь. (21) А если ты настолько глух и слеп, чтобы даже Гефеста не считать прекрасным кузнецом, если не увидишь на его голове войлочной шапки, — какое зло в том, чтобы быть неузнанным настолько глупым судьей? (22) Вот так оставался нераспознанным для большинства людей Сократ, и они обращались к нему с просьбой познакомить их с философами¹¹². (23) Так разве он возмущался, как мы, и говорил: «А я, по-твоему, не философ?!». Нет, он водил и знакомил, довольствуясь одним — тем, чтобы быть философом, а также радуясь тому, что, не слывя им, он не терзается. Он ведь помнил о своем деле. (24) В чем состоит дело добродетельного человека? Иметь много учеников? Отнюдь. Серьезно занятые этим посмотрят сами. Или вдаваться в трудные теоретические правила? Что касается и их, другие посмотрят сами. (25) Так где же сам он и был кем-то и хотел быть? Там, где вред и польза. «Если мне кто-то, — говорит он, — может причинить вред, — значит, я занимаюсь пустым делом. Если я жду, чтобы другой принес мне пользу, — значит, я ничто. Я хочу чего-то, и не получается — значит, я несчастный». (26) Вот на какую арену вызывал он всякого, кто бы то ни был, и, по-моему, не отступил ни перед кем. Что вы думаете? — во всеуслышание говоря: «Я — такой вот»? Ни в коем случае! — но быв таким вот. (27) Ведь, напротив, это свойственно глупцу и бахвалу: «Я неподвержен страстям и невозмутим. Да не будет вам неведомо, люди, что, тогда как вы мечетесь¹¹³ и волнуетесь по поводу того, что ничего не стоит, один я избавился от всякого смятения». (28) Вот так тебе недостаточно не страдать никаким недугом, если не провозгласишь: «Придите все страдающие подагрой, страдающие головной болью, страдающие лихорадкой, хроые, слепые и посмотрите на меня, исцелившегося от всякого страдания»? (29) Это бессмысленно и несносно, — разве только если ты можешь, как Асклепий, тотчас указать способ лечения, с помощью которого тотчас избавятся от болезней и они тоже, и для этого приводишь примером свое исцеление. (30) Таков ведь — киник, удостоенный скипетра и венца от Зевса и говорящий: «Для того чтобы вы увидели, люди, что вы ищете счастье и невозмутимость не там где они есть, а там где их нет, (31) вот я послан богом вам примером, ни имущества не имея, ни дома, ни жены, ни детей, ни даже подстилки, ни хитона, ни утвари, — и посмотрите, как я здоров: испытайте меня, и если увидите, что я невозмутим, послушайте, какими средствами я излечился». (32) Это ведь уже и человеколюбиво и благородно. Но смотрите — чье это дело: Зевса или того, кого Зевс сочтет достойным этого служения, чтобы он никогда ничего не обнаруживал перед толпой, чем он то свидетельство свое, с которым выступает в пользу добродетели и выступает против того, что относится к внешнему, сделал бы недействительным;

Ни побледнел чтобы в лике прекрасном, ни слезы
Чтобы с ланит утирал¹¹⁴

(33) И не только это, но и чтобы не жаждал чего-то и не тосковал по чему-то, по человеку ли или месту, или образу жизни, как дети — по поре вино-

¹¹² См. прим. 137 к III книге.

¹¹³ Конъектура. В рукописях: «ложитесь спать».

¹¹⁴ «Одиссея», XI, 529—530 (Одиссей в подземном царстве рассказывает Ахиллу о его сыне Неоптолеме: когда они находились в деревянном коне, Одиссей ни разу не видел, чтобы Неоптолем хоть раз побледнел или плакал, в отличие от всех остальных).

града или праздникам, повсюду благоприятный благодаря совести, как остальные — благодаря стенам, дверям и привратникам. (34) А в действительности, просто только испытай побуждение к философии, как страдающие желудком — к какой-нибудь еде, к которой вскоре испытают отвращение, тотчас же — к скипетру, к царской власти. Отпустил длинные волосы, надел потертый плащ, обнажает напоказ плечо, бранится с встречаемыми, и если увидит кого-нибудь в пенуле¹¹⁵, бранится с ним. (35) Человек, ты пройди суровую закалку сначала: посмотри на свое влечение — не влечение ли это страдающего желудком или беременной женщины с ее странными прихотями. Постарайся сначала, чтобы не знали, кто ты: для самого себя занимайся философией некоторое время. (36) Вот так плод рождается: семя должно какое-то время быть зарытым, быть сокрытым, постепенно развиваться, для того чтобы оно дало плод. А если до того, как пустить колено, оно выпустит соцветие, то оно бесплодно, оно из Адонисова сада¹¹⁶. (37) Вот такое и ты растенье: ты зацвел быстрее, чем следует, мороз сожжет тебя. (38) Посмотри, что говорят земледельцы по поводу семян, когда преждевременно тепло наступит. Они беспокоятся о том, что семена буйно произрастут, потом хватит их раз мороз — и они не устоят. (39) Смотри и ты, человек: ты буйно произрос, бросился за брэнной славой преждевременно; тебе кажется, будто ты кто-то, глупец из глушцов; ты померзнешь, а скорее — померз уже в корне снизу, а сверху у тебя немного еще цветет, и поэтому тебе кажется, будто ты еще живешь и процветаешь. (40) Дай нам-то созреть в соответствии с природой. Что нас ты раздеваешь, что применяешь насилие? Мы пока еще не можем вынести воздуха. Позволь укрепиться корню, потом первое пустить колено, потом второе, потом третье¹¹⁷ — и вот тогда плод со всей силой проявит свою природу, даже если я не хочу. (41) В самом деле, кто, вынашивающий в себе такие мнения и исполненный ими, не сознает своей подготовленности и не влечется к соответственным делам? (42) Бык, вот, осознает свою природу и подготовленность, когда появится какой-нибудь зверь, и не ожидает, чтобы его побуждали, так же и собака — когда увидит какое-нибудь дикое животное. (43) А я, если у меня будет подготовленность, разве стану ожидать, чтобы ты меня подготовил к свойственным мне делам? Однако пока еще у меня ее нет. Так что же ты хочешь, чтобы я посох преждевременно, как сам ты засох?

IX. С ВПАВШИМ В БЕССТЫДСТВО

(1) Когда ты видишь, что кто-то занимает должность, противопоставь этому то, что у тебя есть способность не нуждаться в должности. Когда видишь, что кто-то богат, посмотри, что есть у тебя вместо этого. (2) Ведь если вместо этого у тебя нет ничего, то ты жалок, а если есть способность не иметь нужды в богатстве, знай, что у тебя есть больше и стоящее гораздо большего. (3) У другого — красивая женщина, у тебя — способность не жаждать женщины красивой. Это, по-твоему, мало? Да сколько дали бы этими богатыми и занимающими должности, и живущие с красивыми женщинами за то, чтобы мочь презирать богатство и должности и самих этих женщин, ими любимых и ими достигаемых! (4) Разве ты не знаешь, что такое жажда страдающего лихорадкой? Она совсем не такая, как жажда здорового человека. Этот выпьет воды — и жажда у него утолена, а тот — чу-

¹¹⁵ Римская верхняя одежда — дорожный или зимний теплый плащ, обычно с капюшоном.

116 Для праздника в честь Адониса выращивали в горшках зелень, которая так же быстро увядала, как и росла, — ее и называли садом Адониса.

¹¹⁷ Вероятно, это — образное сравнение с тремя вопросами философии (см. III, 2, 1 слл.; 26, 14; II, 17, 15—16, 31—33).

точку удовлетворив ее, начинает испытывать тошноту, эта жажда превращает воду в желчь, его рвет, у него рези, он испытывает жажду еще сильнее. (5) Вот такова жажда у богатого, жажда у занимающего должности, жажда у спящего с красавицей. С нею сопряжены ревность, страх лишиться, постыдные слова, постыдные помыслы, дела непристойные. — (6) Да что я, — говорит, — теряю? — Человек, вначале ты был совестливый, и вот теперь — уже нет: ничего ты не потерял? Вместо Хрисиппа и Зенона ты Аристидида читаешь и Эвена¹¹⁸: ничего ты не потерял? Вместо того, чтобы восхищаться Сократом и Диогеном, ты восхищаешься тем, кто может соблазнить и совратить наибольшее число женщин. (7) Ты хочешь быть красивым, и изощряешься в этом, наперекор действительности, и хочешь щеголять блистательным одеянием, для того чтобы привлекать внимание женщин, и если тебе удастся раздобыть благовония, ты считаешь себя счастливым. (8) А прежде ты и не помышлял ни о чем этом, но о том — где слово пристойное, достойный мужчина, благородный помысел. Вот потому-то ты и спал как мужчина, появлялся как мужчина, одежду носил мужскую, разговоры вел подобающие добродетельному мужчине. И ты еще мне говоришь: «Я ничего не потерял»? (9) Таким образом, ничего иного, кроме монетки, не теряют люди? Совесть разве не теряется, пристойность не теряется? Или потерявшему это невозможно потерпеть ущерб? (10) Конечно, тебе, может быть, уже никакая такая потеря больше не кажется ущербом. А было некогда время, когда только ее считал ты ущербом и вредом, когда ты беспокоился, как бы кто не сбил тебя с этих принципов и дел. (11) Вот, ты сбит — никем иным, а самим собой. Начни бороться с собой, верни себя к пристойности, к совести, к свободе. (12) Если бы тебе говорили обо мне, положим, вот это, что кто-то принуждает меня прелюбодействовать, одежду носить вот такую, умащаться благовониями, разве ты не пошел бы и не расправился собственноручно с этим человеком, который так злоупотребляет мной? (13) Ну, так, не хочешь ли ты самому себе помочь? И насколько легче эта помощь! Не убить кого-то должен ты, не заковать, не насилие применить, не в народном собрании выступить, но самому с собой поговорить, наиболее могущим поддаться твоему убеждению и для которого убедительнее тебя нет никого. (14) И прежде всего осуди все происходящее у тебя, затем, осудив, не отчаивайся в себе и пусть с тобой не будет так, как бывает с неблагородными людьми, которые, поддавшись раз, сдаются полностью и их уносит, как течением, но усвой правило учителей гимнастики. (15) Мальчик упал. «Встань, — говорит учитель, — и борись снова, пока не окрепнешь». (16) Вот так пусть и у тебя будет. Знай же, что нет ничего податливее человеческой души. Нужно захотеть — и получится: вот она восстановлена. Как стоит снова задремать — и вот она потеряна. Ведь и потеря и помощь — внутри нас. — (17) Потом какое у меня будет благо? — И какое благо ищешь ты больше этого? Из бесстыдного ты станешь совестливым, из непорядочного — порядочным, из нечестного — честным, из распущенного — скромным. (18) Если ты ищешь какие-то иные блага, больше этих, — делай то, что делаешь: даже из богов тебя никто уже спасти не может.

¹¹⁸ О Хрисиппе и Зеноне см. прим. 25 к I книге. Аристид Милетский (предположительно — II в. до н. э.) — очень популярный в древности автор произведения с любовным и непристойным содержанием «Милетские рассказы» (от них ничего не сохранилось; о репутации их см., например, Плутарх, Красс, 32). Эвен Паросский — поэт, автор эротических произведений, о котором упоминает Артемидор (см. *Artemidori Daldiani Onirocriticon*, I, 4, ed. R. Pack, Lipsiae, 1963); см. также свидетельство о нем Менандра (ук. соч., в прим. 3, pars II, fr. 848). Идентификация его с Эвеном Паросским, софистом V в. до н. э., учителем Сократа, элегическим поэтом этого времени (?), сомнительна. Вместо «Эвен» предлагается конъектура «Эвбий» (о котором ничего не известно) на том основании, что Овидий в Трестиях, II, 416, упоминает его рядом с Аристидом.

Х. К ЧЕМУ СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬСЯ С ПРЕЗРЕНИЕМ И ЧЕМУ ПРИДАВАТЬ ЗНАЧЕНИЕ

(1) Затруднительность у всех людей возникает в том, что относится к внешнему миру, безвыходность — в том, что относится к внешнему миру. «Что мне делать? Как произойдет? Как получится? Не случилось бы того-то да того-то!». (2) Все это — слова занятых тем, что не зависит от свободы воли. Кто, в самом деле, говорит: «Как бы мне не соглашаться с ложным? Как бы мне не отвергнуть истинное?» (3) Если он будет таким одаренным, чтобы беспокоиться об этом, я напому ему: «Что ты беспокоишься? Это от тебя зависит. Будь осторожен: прежде чем не применишь природную мерку, не спеши соглашаться». (4) Опять-таки, если он о стремлении беспокоится, как бы оно не оказалось не достигающим своей цели и терпящим неуспех, об избегании, как бы оно не оказалось терпящим неудачу, (5) прежде всего я поцелую его за то, что он, оставив все то, относительно чего остальные волнуются, и их страхи, озабочен своими собственными делами, где он есть сам он, (6) затем скажу ему: «Если ты не хочешь в своем стремлении терпеть неуспех и не хочешь в своем избегании терпеть неудачу, ни к чему не стремись тому, что чужое, ничего не избегай того, что не от тебя зависит. А иначе, и потерпеть неуспех и потерпеть неудачу — неизбежно». (7) Какая здесь затруднительность? Где тут имеют место: «Как произойдет?» и «Как получится?» и «Не случилось бы того-то да того-то!». (8) Вот сейчас разве предстоящий исход — это не то, что не зависит от свободы воли? — Да. — А сущность блага и зла заключается в том, что зависит от свободы воли? — Да. — Так значит, в твоей возможности всяким получившимся пользоваться в соответствии с природой? Разве кто-нибудь может помешать тебе? — Никто. — (9) Так, значит, больше мне не говори: «Как произойдет?». Ведь как бы ни произошло, ты к этому отнесешься правильно, и будет у тебя получившееся — успехом. (10) Или кем был бы Геракл, если бы говорил: «Как бы предо мной огромный лев не появился, да огромный вепрь, да звероподобные люди!»? И что тебе до того? Если огромный вепрь появится — бо-лее великий подвиг совершишь ты, если злодей — от зол избавишь свет. — (11) Так если я тогда умру? — Добродетельным умрешь, совершая благородное деяние. Ведь поскольку смерть неминуема, неизбежно оказаться достигнутым ею за каким бы то ни было делом: или при занятии земледелием, или при занятии вскапыванием, или при занятии торговыми делами, или при исполнении должности консула, или при несварении, или при поносе. (12) Так за каким же делом хочешь оказаться достигнутым смертью ты? Я, что касается меня лично, — за каким бы то ни было делом человеческим, благотворным, общепользным, благородным. (13) А если я не могу такими великими делами занятым быть достигнутым ею, то хотя бы — занятым тем, что неподвластно помехам, тем, что дано: исправляющим себя, совершенствующим способность пользоваться представлениями, вырабатывающим неподверженность страстям, воздающим должное отношениям; если я так счастливо преуспеваю в этом — и занимающимся третьим вопросом ¹¹⁹, вопросом, касающимся надежности в суждениях. (14) Если за этим меня смерть застанет, то мне достаточно, если я смогу, воздев руки к богу, сказать: «Теми возможностями, которые получил я от тебя для осознания твоего управления и следования ему, я не пренебрег. Что касается меня лично, я не посрамил тебя. (15) Вот, смотри, как я пользовался чувствами, как — общими понятиями. Жаловался ли я когда-нибудь на тебя, был ли недоволен чем бы то ни было происходившим или хотел, чтобы произошло иначе, нарушал ли отношения? (16) Я благо-

¹¹⁹ См. III, 2, 1 слл; 26, 14; II, 17, 15—16, 31—33.

дарен тебе за то, что ты породил меня, за все то, что ты дал мне. Сколько попользовался я твоим, мне достаточно. Возьми это обратно и поставь на какое хочешь место. Твоим ведь было все, ты мне это дал». (17) Разве недостаточно находясь вот в таком состоянии уйти? И какая жизнь лучше и пристойнее жизни находящегося вот в таком состоянии, а какая развязка — счастливее? (18) А для того чтобы это произошло, нужно принять не мало и не успеть не в малом. Ты не можешь и консульства хотеть и этого, и к тому, чтобы иметь землю, направить свои усилия и к тому, чтобы иметь это, и молоденькими рабами быть озабоченным и собой самим. (19) Но если ты чего-то чужого хочешь, твое — потеряно. Такова природа этого дела: даром ничего не происходит. (20) И что удивительного? Если ты стать консулом хочешь, то ты должен ночей не спать, обхаживать, руки целовать, у чужих порогов томиться, многое говорить, а многое и делать недостойное свободного человека, подарки посылать многим, гостинцы каждый день некоторым. (21) И что именно получается? Двенадцать связок прутьев¹²⁰, трижды или четырежды восседать на председательском кресле, давать цирковые игры, делать раздачи. Или пусть кто-нибудь покажет мне, что — кроме этого. (22) Так за неподверженность страстям, за невозмутимость, за то, чтобы спать, когда спишь, бодрствовать, когда бодрствуешь, не бояться ничего, не беспокоиться ни о чем, ты несколько потратить не хочешь, несколько потрудиться? (23) Но если у тебя, тогда как ты преуспеваешь в этом, что-то окажется потеряно или потрачено оплошно, или другому достанется то, что должно было достаться тебе, — ты тотчас станешь терзаться из-за происшедшего? (24) Не станешь ли ты сопоставлять, что вместо чего ты получаешь, сколько стоящее вместо сколько стоящего? Но ты хочешь получить такое значительное даром? И как ты можешь? Дело делу рознь. (25) Ты не можешь и о том, что относится к внешнему миру, с успехом заботиться и о своей высшей духовной части¹²¹. А если ты то хочешь — это оставь. Иначе — ты ни в этом не достигнешь успеха ни в том, разрываясь между тем и другим. Если ты это хочешь — ты то должен оставить. (26) Прольется масло, пропадет утварь — но я буду неподверженным страстям. Пожар будет в мое отсутствие и пропадут книги — но я буду пользоваться представлениями в соответствии с природой. (27) Но вот мне нечего будет есть. Если я такой несчастный, то пристань — умереть. А это пристань всех, смерть, это — убежище. Поэтому никакое положение в жизни — не затруднительное. Когда хочешь, вышел — и вот не задыхаешься от дыма¹²². (28) Так что же ты беспокоишься, что ночей не спишь? а не, тотчас сообразив, где твое благо и зло, говоришь: «То и другое зависит от меня: ни того никто отнять у меня не может, ни в это ввергнуть против моей воли. (29) Так что же я не храплю себе, завалившись? Мое — в безопасном положении. Что касается чужого, каждый посмотрит сам¹²³, как будет дано от имеющего власть. (30) Кто я такой, что хочу, чтобы оно обстояло так-то или так-то? Да разве мне дан выбор в нем? Да разве меня кто-то его управителем сделал? Мне достаточно того, над чем я имею власть. Вот это я должен наилучшим образом устроить, а что касается всего остального — как будет хотеть господин над тем?» (31) Вот это все кто-то имея перед глазами — ночей не спит и ворочается туда-сюда¹²⁴? Чего хотя или по чему тоскуя?

¹²⁰ Ликторские фасции (для консула полагалось 12 ликторов. В эпоху принципата консульство превратилось в пустой титул с ограниченным кругом полномочий).

¹²¹ См. прим. 48 к I книге.

¹²² Ср. I, 25, 48 и 20.

¹²³ Текст испорчен.

¹²⁴ См. «Илиада», XXIV, 5 (об Ахилле, оплакивающим смерть Патрокла).

По Патроклу, или по Антилоху, или по Менелаю ¹²⁵? Когда же считал он бессмертным кого-то из друзей? Когда же не имел он перед глазами, что завтра или послезавтра должен или сам он умереть или тот? (32) «Да, — говорит, — но я думал, что он переживет меня и вырастит моего сына ¹²⁶». Ты ведь был глупец и думал то, что неясно. Так что же ты не винишь самого себя, но сидишь и плачешь, как девчонки? (33) «Но он подавал мне есть ¹²⁷». Он ведь жил, глупец ты; а теперь — не может. Но тебе будет подавать Автомедонт; а если и Автомедонт умрет — найдешь другого. (34) А если тот горшок, в котором варилось для тебя мясо ¹²⁸, разобьется, — ты с голоду должен умереть, оттого что у тебя нет того горшка, к которому ты привык? Разве не посылаешь ты покупать другой, новый? (35)

Горше зло я иное

говорит, —

едва ль испытаю ¹²⁹

В этом, значит, для тебя зло? И вот, вместо того чтобы устранить его, ты винишь свою мать за то, что она не предсказала тебе его ¹³⁰, чтобы ты с тех пор пребывал в мучениях? (36) Что выдумаете? Не нарочно ли все это сочинил Гомер, для того чтобы мы увидели, что благороднейшим, сильнейшим, богатейшим, красивейшим, когда у них нет должных мнений, ничто не мешает быть несчастнейшими и злополучнейшими?

XI. О ЧИСТОПЛОТНОСТИ

(1) Некоторые оспаривают мнение о том, что способность к жизни в обществе заложена в природе человека ¹³¹. Однако даже сами они едва ли, по-моему, станут оспаривать, что способность к чистоплотности-то несомненно заложена и если природа человека чем иным отличается от природы животных — то в том числе и этим тоже. (2) Поэтому, когда мы видим, как какое-то животное очищает себя, мы обычно говорим на это с удивлением: «Как человек». И напротив, если кто-нибудь винит какое-то животное, мы тотчас обычно, как бы оправдывая животное, говорим: «Да не человек же это». (3) Вот таким образом мы считаем, что в отношении человека существует нечто исключительное, возводя это к богам ¹³². Ведь поскольку они по своей природе чисты и беспримесны, то, насколько люди приближены к ним по разуму, настолько придерживаются и чистоты и чистоплотности. (4) А поскольку невозможно, чтобы сущность людей была совершенно чистой, так как она смешана с такой материей, то разум полученный чистотой, так как она смешана с такой материей, то разум полученный старается довести эту материю до чистоплотного состояния насколько

¹²⁵ Вместо «Менелаю» предлагается конъектура: «Протесилаю» (Менелай не был близким другом Ахилла и не был убит. Ахилл был связан с Протесилаем во время его воспитания у Хирона. Протесилай первым был убит на троянской земле. Самым близким другом Ахилла был Патрокл, затем Антилох, сын Нестора. Упомянутый ниже Автомедонт — возница и боевой соратник Ахилла).

¹²⁶ См. «Илиада», XIX, 330 слл.

¹²⁷ См. там же, 315—317.

¹²⁸ У Гомера мясо только «жарят» на вертелах (этих слов «горшок» и «варить» — в словаре Гомера нет).

¹²⁹ «Илиада», XIX, 321 (причитание Ахилла над трупом Патрокла).

¹³⁰ См. там же, XVIII, 6 слл. (?).

¹³¹ См. I, 23; II, 20; III, 7.

¹³² Предложение не очень ясное.

возможно. (5) Значит, первая и высшая чистота — это чистота, возникшая в душе, и точно так же — нечистота. Однако нечистоту души ты не нашел бы такую же, как нечистота тела, а как нечистоту души — что иное нашел бы ты, как не то, что делает ее грязной по отношению к своим делам? (6) А дела души — это влечься, отталкиваться, стремиться, избегать, подготавливаться, намереваться, соглашаться. (7) Так что же именно есть то, что делает ее в этих делах грязной и нечистой? Не что иное как скверные суждения ее. (8) Так что нечистота души — это негодные мнения, а очищение — это вырабатывание должных мнений. А чистая душа — это имеющая должные мнения: только она одна в делах своих незапятнана и незамарана. (9) Следует, однако, какое-то подобно этому тщание прилагать по возможности и в отношении тела. Невозможно было ¹³³, чтобы сопли не текли у человека, поскольку такое у него смешение. Для этого руки сделала природа и самые ноздри как каналы для выделения влаги. Поэтому, если кто-то с шумом втягивает в себя их, я говорю, что он не делает человеческое дело. (10) Невозможно было, чтобы ноги не пачкались и совсем не марались, поскольку они по такому чему-то ходят. Для этого воду предоставила она, для этого — руки. (11) Невозможно было, чтобы от еды не засорялись зубы. Для этого: «Сполосни, — говорит она, — зубы». Для чего? Чтобы ты человеком был, а не зверем и не свиньей. (12) Невозможно, чтобы от пота и соприкосновения с одеждой не оставалось на теле чего-то грязного, требующего отчищения. Для этого — вода, оливковое масло, руки, полотенце, скребок, нитр ¹³⁴, бывают и всякие иные средства для очищения его. (13) Но нет, кузнец, вот, очистит от ржавчины железо, и инструменты для этого будут у него устроенные, да и сам ты плошку помоешь, когда собираешься есть, если ты не совершенно нечистоплотный и грязный, — а бренное тело ты не помоешь и не сделаешь чистым? — (14) Для чего? — говорит. — Опять скажу тебе: прежде всего, — чтобы ты дела человека делал, затем, — чтобы ты не причинял неприятность окружающим. (15) Вот такое нечто и здесь делаешь ты, и не чувствуешь этого. Себя ты считаешь достойным вони — пусть, будь достоин. Разве — и сидящих рядом, разве — и возлежащих рядом, разве — и целующих тебя? (16) Или уйди куда-нибудь в пустыню, которой ты достоин, и проводи жизнь один, упиваясь своей вонью. Справедливо ведь, чтобы своей нечистоплотностью один ты наслаждался. А в городе ¹³⁵ живя, быть таким невнимательным и несознательным — кому, по-твоему, свойственно? (17) А если бы коня тебе вверила природа, оставил бы ты его без внимания и в небрежении? Ну, вот и считай, что твое тело как конь тебе поручено: помой его, отчисти, сделай так, чтобы от тебя никто не отворачивался, никто не сторонился. (18) А кто не сторонится человека грязного, вонючего, с дурным цветом больше, чем замазанного навозом? Та вонь — приставшая извне, а эта — из-за неряшливости исходящая изнутри и словно от прогнившего. — (19) Но Сократ редко мылся ¹³⁶. — Но тело его блистало, но оно у него было так обаятельно и приятно, что в него влюблялись самые цветущие красотой и самые благородные и предпочитали рядом с ним возлежать, чем рядом с самыми красивыми ¹³⁷. Ему можно было

¹³³ Вероятно, надо понимать: невозможно было природе сделать так, чтобы....

¹³⁴ Сода, которая в смеси с оливковым маслом употреблялась как мыло.

¹³⁵ Может быть, правильное оставить в переводе «полис» (как цивилизованное общество).

¹³⁶ См. П л а т о н, Пир, 174а.

¹³⁷ См. там же, 217—219, 222b — 223b.

и не мыться и не ополаскиваться, если он так хотел. Однако и редкое мытье имело свое действие ¹³⁸. — (20) Но Аристофан говорит:

Тех бледных, тех босоногих имею я в виду ¹³⁹

— Да ведь он говорит также, что Сократ воздухошествует и из палестры ворует плащи ¹⁴⁰. (21) Однако ж все писавшие о Сократе вовсе противоположное свидетельствуют в его пользу: что приятно было не только слушать его, но и смотреть на него. И о Диогене тоже пишут то же самое. (22) Ведь следует даже видом тела не отпугивать толпу от философии, но как во всем остальном бодрым и невозмутимым показывать себя — так в отношении тела: (23) «Вот посмотрите, люди, что ничего у меня нет, ни в чем я не нуждаюсь. Вот посмотрите, как я, не имея дома, не имея отечества, изгнанник, если так придется, не имея очага, живу невозмутимее и спокойнее всей знати и богачей. Но и брренное тело мое, смотрите, не изнурено от сурового образа жизни». (24) А если мне это будет говорить кто-нибудь с видом и лицом человека осужденного — кто меня убедит из богов обратиться к философии, если она делает вот такими? Ни в коем случае! Даже если бы я мог стать мудрецом, и то не захотел бы. (25) Я-то, клянусь богами, предпочитаю, чтобы молодой человек, впервые испытывающий побуждение к философии, пришел ко мне с уложенными кудрями, чем исчахшим и грязным. Ведь в нем видно какое-то представление о прекрасном, тяга к пристойности. (26) А где он его представляет себе, там он и прилагает тщание. Следовательно, указать только нужно ему, и сказать: «Юноша, ты ищешь прекрасное, и хорошо делаешь. Так знай же, что оно там рождается, где у тебя разум. Там его ищи, где у тебя влечения и отталкивания, где стремления, избегания. (27) Ведь именно это в тебе исключительное, а брренное тело по своей природе есть глина. Что ты усердствуешь напрасно над ним? Во всяком случае, со временем-то ты узнаешь, что оно есть ничто». (28) А если ко мне придет замаранный навозом, грязный, с усами до колен — что ему сказать могу я, из какого исходя подобия привести его к этому? (29) В самом деле, на что, подобное прекрасному, направлено его усердие, чтобы я мог переменить его и сказал: «Не здесь заключается прекрасное, но — вот здесь»? Хочешь, чтобы я ему говорил: «Не в замаранности навозом заключается прекрасное, но — в разуме»? Да разве есть у него тяга к прекрасному? Да разве есть у него какая-то видимость его? Поди поговори с свиньей, чтобы она в грязи не валялась. (30) Потому на Полемона и действовали слова Ксенократа, что этот юноша был любителем прекрасного ¹⁴¹: он ведь пришел с проблесками рвения к прекрасному, но ища его в ином. (31) Право же, даже животных, обитающих с людьми, природа не создала грязными. Разве конь валяется в грязи, разве собака породистая? Нет, свинья, пакостные гусишки, черви, пауки, — эти существа, удаленные подальше от совместной жизни с людьми. (32) Так, значит, ты, существом человек, даже одним из животных быть не хочешь, обитающих с людьми, но червяком предпочитаешь быть или паучишкой? Не помоешься ли ты где-нибудь наконец, как ты хочешь, не ополоснешься ли, и если горячей водой не хочешь, то — холодной? Не придеши ли чистым, чтобы окружающие были рады тебе? Но ты и в храмы вместе с нами входишь

¹³⁸ Далее в рукописях фраза: «и если горячей водой не хочешь, то — холодной», которая в изданиях перенесена в § 32. Но если «имело» (εἶχεν) в предыдущем предложении понимать в смысле «имело бы», т. е. относить предложение не к Сократу, а к собеседнику, то она здесь уместна.

¹³⁹ А р и с т о ф а н, Облака, 103 (у Аристофана: «... имеешь ты в виду?»; речь идет о Сократе и его учениках).

¹⁴⁰ См. там же, 179 и 225.

¹⁴¹ См. прим. 1 к III книге.

вот таким, где ни плевать не положено, ни сморкаться, ты, весь сплошь — плевки и сопли?

(33) Так что же? Украшать ли себя кто-то требует? Ни в коем случае! Только лишь то, что украшать созданы мы природой, — разум, мнения, действия, а тело — лишь до чистоплотности, лишь до неоскорбительности. (34) Но если услышишь, что не следует носить пурпурных одежд, — пойди измарай в навозе свой потертый плащ или разорви его! — Но где мне взять приличный плащ? — (35) Человек, у тебя есть вода, постирай его. Вот молодой человек, достойный любви, вот старец, достойный любить и в ответ быть любимым, кому можно отдать на обучение своего сына, к кому дочери, к кому молодые люди будут ходить, может статья¹⁴², чтобы он в навозе вел занятия! Ни в коем случае! (36) Всякое отклонение происходит от чего-то человеческого, а это вот — близко к тому, что представляет собой не человеческое отклонение.

ХII. О ВНИМАНИИ

(1) Когда ты оставляешь ненадолго свое внимание, ты не это представляй себе, что, когда захочешь, возобновишь его, но тем руководишься, что вследствие¹⁴³ сегодня допущенной ошибки — во всем остальном дела у тебя неизбежно должны обстоять хуже. (2) Ведь прежде всего зарождается опаснейшая из всех привычка к отсутствию у себя внимания, затем — привычка к откладыванию внимания. А тем самым ты всякий раз отсрочиваешь с одного времени на другое жизнь в спокойствии, жизнь в пристойности, пребывание в состоянии соответствия с природой. (3) Так если отсрочивание целесообразно, то совершенный отказ от внимания — целесообразнее; а если не целесообразно — почему ты не постоянно хранишь внимание? (4) «Сегодня я поиграть хочу». Что же мешает тебе — с вниманием? «Попеть». Что же мешает тебе — с вниманием? Неужели существует исключение для какой-то части жизни, на которую не распространяется внимание? Разве ты хуже сделаешь это с вниманием, а лучше — без внимания? (5) И что вообще в жизни делается лучше теми, у кого отсутствует внимание? Плотник без внимания плотничает тщательнее? Кормчий без внимания ведет корабль надежнее? А какое-нибудь иное из менее значительных дел от невнимания совершается лучше? (6) Не осознаешь ли ты, что, как только оставляешь ты мысль, уже не от тебя зависит призвать ее ни для пристойности, ни для совестливости, ни для сдержанности? Но все что взбредет тебе делаешь, взбалмошным порывам следуешь. — (7) На что же должен я направлять свое внимание? — Прежде всего на те общие принципы, ими руководствоваться, без них не ложиться спать, не вставать, не пить, не есть, не сходиться с людьми: что над чужой свободой воли не властен никто, а только в свободе воли благо и зло. (8) Значит, никто не властен ни благо мне предоставить ни в зло меня ввергнуть, но я сам над собой в этом имею власть один. (9) Так, значит, когда это у меня в безопасности — отчего мне приходиться в смтение перед тем, что относится к внешнему миру? Какой тиран мне страшен, какая болезнь, какая бедность, какое преткновение? (10) «Но я не понравился такому-то». Так разве он — мое это дело, разве — мое суждение? Нет. Так что же еще мне до того? «Но считают, что он что-то представляет собой». (11)

¹⁴² «кому... статья» — текст испорчен.

¹⁴³ Или: «помимо».

И он и те, кто так считает, посмотрят сами, а я знаю, кому я должен правиться, кому подчиняться, кому повиноваться: богу, и после него — себе¹⁴⁴. (12) Меня он поручил мне самому и мою свободу воли подчинил мне одному, дав мерки для правильного пользования ею. Когда я следую им, то в силлогизмах я не взираю ни на кого из тех, кто иное что-то говорит, в изменяющихся рассуждениях — не думаю ни о ком. (13) Так почему же в более важном — меня приводят, вот, в огорчение порицающие? В чем причина этого смятения? Не в чем ином, как в том, что я в этом вопросе не подготовлен упражнениями. (14) Право же, всякое знание с презрением относится к незнанию и незнающим. И не только знания, но и искусства. Возьми какого хочешь сапожника — и в том, что касается его дела, он насмехается над толпой. Возьми какого хочешь плотника.

(15) Итак, прежде всего следует руководствоваться этими общими принципами и ничего без них не делать, но направить все усилия души к этой цели, ничего того, что относится к внешнему миру, не добиваться, ничего того, что чужое, но — как установил обладающий полномочием: того, что зависит от свободы воли, — во что бы то ни стало добиваться, а что касается всего остального — как дано будет. (16) А кроме того, следует помнить, кто мы такие и какое у нас название, и сообразно со способностями к отношениям стараться правильно делать все, что должно¹⁴⁵. (17) когда свое время пению, когда свое время игре, в чьем присутствии; что будет неуместно; не станут ли презирать нас окружающие, не станем ли мы — самих себя; когда пошутить, и с кем, когда насмеяться, и над чем; когда вступать в общение, и с кем, и наконец, как в общении сохранить свое? (18) А где бы ты ни отклонился от какого-нибудь из этих общих принципов, тотчас — наказание, не извне откуда-то, но от самого действия.

(19) Так что же, возможно ли быть уже не совершающим ошибок, невозможно, но вот что возможно: к тому, чтобы не совершать ошибок, направлять все свои усилия постоянно. Ведь надо быть довольным, если, никогда не ослабляя этого внимания, мы от немногих-то ошибок ограждаем себя. (20) Ну, а когда ты скажешь: «С завтрашнего дня я буду с вниманием», знай, что это ты говоришь: «Сегодня я буду бесстыдным, назойливым, низким; от других будет зависеть приводить меня в огорчение; я буду раздражаться сегодня, буду завидовать». Смотри, сколько зол ты на себя принимаешь. (21) Но если завтра — хорошо, насколько лучше — сегодня; если завтра — полезно, гораздо более — сегодня, чтобы ты и завтра совладал и не откладывал опять на послезавтра.

ХIII. ПРОТИВ ТЕХ, КТО С ЛЕГКОСТЬЮ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОИХ ДЕЛАХ

(1) Когда кто-то просто, как нам покажется, поговорит с нами о своих делах, то мы как-то вынуждены и сами рассказывать ему свое сокровенное и это считаем простотой. (2) Прежде всего — потому, что нам кажется несправедливым самому выслушать о делах ближнего, однако не поделиться, в свою очередь, и с ним своими делами. Затем — потому, что мы, понашему, вызовем у них представление о нас как о непростых людях, если будем молчать о своих собственных делах. (3) Несомненно, часто говорят: «Я тебе обо всех своих делах сказал — ты мне ничего о своих сказать не хочешь?! Где это бывает так!». (4) А к тому же еще мы думаем, что поверять

¹⁴⁴ «себе» — добавлено по конъектуре.

¹⁴⁵ «и сообразно должно» — эта часть предложения очень неясная, ее переводят по-разному (так же — и § 21)

тому, кто уже поверил нам свои дела, — безопасно: ведь мы проникаемся уверенностью, что он никогда не станет выдавать наши дела из опасения, как бы и мы не выдали его дела. (5) Вот так и опрометчивые попадают в ловушку солдатам в Риме. Подсел к тебе солдат в гражданском платье и, начав первым, ругает цезаря, после этого ты, как бы получив от него в залог доверия то, что он первым начал поносить, говоришь и сам все что думаешь, после этого тебя связывают и уводят. (6) Нечто такое и бывает с нами вообще. Всё же, как мне он без опасения поверил свои дела, так и я свои первому встречному. (7) Но я, выслушав, храню молчание о его делах, если, конечно, я такой человек, а он, уйдя, рассказывает всем о моих. И вот, если я узнаю об этом, то, если и сам я такой же, как он, в отместку рассказываю о его делах, и — привожу и прихожу в замешательство. (8) А если я помню о том, что один другому не причиняет вред, но свои дела каждому и причиняют вред и приносят пользу, то, хотя я твердо держусь этого — не сделать чего-то так же, как он, всё же от болтовни своей я претерпел то, что претерпел. (9) «Да, но это несправедливо — выслушав сокровенное ближнего, самому, в свою очередь, ничем не поделиться с ним». (10) Да разве я просил тебя, человек? Да разве ты с таким условием рассказал о своих делах, чтобы тебе выслушать, в свою очередь, и о моих? (11) Если ты болтун и всех встречных считаешь друзьями — хочешь, чтобы и я стал таким же, как ты? Что же, если ты по-хорошему поверил мне свои дела, а тебе нельзя по-хорошему поверить — хочешь, чтобы я поступил опрометчиво? (12) Это как если бы у меня пифос был непротекающий, а у тебя — прохудившийся, и ты пришел бы ко мне и отдал мне на хранение свое вино, с тем чтобы я влил его в свой пифос, и вот потом ты был бы недоволен тем, почему и я тоже не вверяю тебе свое вино: у тебя-то ведь пифос — прохудившийся. (13) Так как же это еще справедливо получается? Ты честному отдал на хранение, совестливому, считающему, что только свои действия могут причинять вред и приносить пользу, а из относящегося к внешнему миру — ничто не может, — (14) и ты хочешь, чтобы я тебе отдал на хранение, человеку, не ценящему свою свободу воли и домогающемуся монетки или какой-то должности, или продвижения при дворе, даже если ради этого должен будешь зарезать своих детей, как Медея? (15) Где тут это справедливо? Но ты покажи мне себя честным, совестливым, надежным, покажи, что мнения у тебя дружелюбные, покажи, что твой сосуд не прохудился, и ты увидишь, как я не выжидаю, чтобы мне ты поверил свои дела, но сам приду и прошу тебя выслушать о моих делах. (16) Кто же не хочет пользоваться сосудом добротным, кто не ценит советчика благожелательного и честного, кто не с удовольствием примет человека, с которым можно поделиться, как ношей, своими обстоятельствами и который самым этим участием своим принесет облегчение? (17) «Да, но я тебеверяю, ты мне не поверяешь». Прежде всего, ты и не поверяешь мне, но ты — болтун, и поэтому ничего не можешь удержать. Право же, если ты именно поверяешь — мне одному их поверь. (18) А в действительности, кого ни увидишь досужего — подсядешь к нему и говоришь: «Брат, никого у меня нет благожелательнее тебя, ни дружелюбнее, я прошу тебя выслушать о моих делах», причем людям совсем тебе неизвестным. (19) А если даже ты и поверяешь мне — то ясно, что как честному и совестливому, не потому, что я тебе свои дела выложил. Так дай, чтобы и у меня было о тебе такое же мнение. (20) Докажи мне, что, если кто-то кому-то выложит свои дела, то он — честный и совестливый. Ведь если бы это было так, то я ходил бы по всему свету и говорил всем людям о своих делах, если благодаря этому мог бы честным и совестливым стать. А это не так, нет, это мнений требует не каких попало. (21) Во всяком случае, если увидишь человека, усердие которого направлено на то,

что не зависит от свободы воли, и который всему этому подчинил свою свободу воли, знай, что у человека этого тысячи тех, кто может принуждать его, кто может мешать ему. (22) Для него не требуется смолы или колеса ¹⁴⁶, чтобы он выдал все что знает, нет, из него вытряхнут все, если так придется, малейший знак девчонки, благоволение приближенного цезаря, жажда должности, наследства, тысячи и тысячи других подобных вещей. (23) Так вот, следует помнить вообще, что разговоры о сокровенном требуют честности и мнений таких. А это где сейчас найти легко? (24) Или пусть покажет мне кто-нибудь такого человека, который в состоянии говорить: «Мне только до того дело, что — мое, что — неподвластно помехам, что — по своей природе свободно. Вот в этом для меня сущность блага. А все остальное пусть будет так, как будет дано, — мне безразлично».

¹⁴⁶ Средства пытки.